

Мембери

переводчика

ТЕТРАДИ ПЕРЕВОДЧИКА

*Под редакцией
доктора филологических наук
профессора Л. С. Бархударова*

Издательство
«Международные отношения»
Москва 1975

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СБОРНИК № 12
ИЗДАЕТСЯ НА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАЧАЛАХ

Редакционная коллегия:

Л. С. Бархударов, В. Г. Гак, В. Н. Комиссаров,
А. В. Кунин, В. И. Тархов,
Г. Я. Туровер (отв. ред.), М. Я. Цвиллинг

Т37 Тетради переводчика. Вып. XII, М., «Международ.
отношения», 1975.

112 с.

XII выпуск «Тетрадей переводчика» освещает проблемы общей теории перевода под углом зрения психолингвистики и источника ведения, трактует вопросы моделирования процесса перевода поэтических образов и лексических трансформаций при переводе, а также механизма синхронного перевода.

Т $\frac{70104 - 019}{003 (01) - 75}$ 55—75

4

І. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Ю. Г. Кузьмин
(Ленинград)

ПЕРЕВОД КАК МЫСЛИТЕЛЬНО-РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

(К вопросу об общей теории перевода)

1.0. В настоящей статье рассматриваются возможности построения психолингвистической модели перевода (ПМП) как модели мыслительно-речевой деятельности. Представляется, что такая модель имела бы общетеоретическое значение, ибо разработка ее имеет целью выяснение сущности творческого процесса перевода, а с этого, по-видимому, и должна начинаться общая теория перевода¹. Как бы широко ни толковалось понятие «процесс перевода» в качестве предмета общей теории, выяснить его сущность — значит прежде всего установить закономерности мышления переводчика при переходе от форм оригинала к содержанию и от содержания к формам перевода. Именно поэтому взаимоотношение формы и содержания, языка и мышления есть та «основная теоретическая проблема, в которую упирается решение конкретных переводческих проблем»². Заметим, что это заключение созвучно тезису о том, что и в теории языка в целом все основные проблемы замыкаются на проблеме языкового знака³, иначе говоря, на проблеме знакового отношения, т. е. того же взаимоотношения формы и содержания. И проблема эта — по существу своему — п с и х о л и н г в и с т и ч е с к а я.

1.1. В самом деле, суть переходов от формы к содержанию и обратно заключается, по-видимому, во в з а и м о п р е

¹ См.: О. К у н д з и ч. Переводческий блокнот. «Мастерство перевода. 1966». М., «Советский писатель», 1968, с. 220.

² Л. С. Б а р х у д а р о в. Общелингвистическое значение теории перевода. «Теория и критика перевода». Л., Изд-во ЛГУ, 1962, с. 11.

³ См.: В. М. П а в л о в. Языковая способность человека как объект лингвистической науки. «Теория речевой деятельности», М., «Наука», 1968, с. 44.

о б р а з о в а н и я х. Однако о взаимопреобразованиях можно говорить не иначе, как представив форму и содержание в виде сущностей р а з д е л ь н ы х, но имеющих о д н у м а т е р и а л ь н у ю п р и р о д у, а именно — психическую (нейроны мозга)⁴. Поэтому в качестве одной из предпосылок к созданию ПМП принимается идея психолингвистической теории речевой деятельности — рассматривать знаковое отношение как взаимосвязь структур двух функциональных областей сознания⁵. Эта идея представляется особо плодотворной методологически в свете основополагающего тезиса теории универсалий, согласно которому все языки, несмотря на бесконечное их своеобразие, обнаруживают черты универсализма, как если бы они были созданы по единому образцу. Допустив, что такой образец реально существует в виде содержательной области («семантического языка») сознания и является о б ъ е к т о м м о д е л и р о в а н и я звуковых языков, можно рассчитывать на выявление закономерностей взаимосвязи содержания и формы как общих и специфичных для разных языковых систем закономерностей моделирования по их проявлениям в разноязычных речевых структурах как моделях структур «языка сознания». Такого рода допущение и является второй основной предпосылкой ПМП.

1.2. Из указанных теоретических предпосылок вытекают и основные методологические установки. Поскольку содержание и форма рассматриваются как явления *sui generis*, должны быть выделены три ряда закономерностей: (а) взаимосвязи различных содержательных категорий — признака, значения, смысла и действительности, с одной стороны, и смысловых (денотативных) и стилистических (коннотативных) характеристик, с другой; (б) взаимосвязи различных формальных категорий — морфемы, лексемы, словосочетания, предложения; и (в) взаимосвязи взаимосвязей — отражение содержательных категорий в формальных. Принцип сопоставительного анализа остается в основе методологии исследования, но с некоторыми оговорками. Во-первых, преимущественное внимание уделяется структурам, ибо

⁴ Ср.: В. М. Павлов. Указ. соч., с. 48.

⁵ См., в частности: В. М. Павлов. Указ. соч., Г. П. Мельников. Кибернетический аспект различения сознания, мышления, языка и речи. «Язык и мышление». М., «Наука», 1967; С. Д. Кацинелсон. Типология языка и речевое мышление. Л., «Наука», 1972, с. 108 и след.

отношения объекта и модели, равно как и разных моделей между собой, уже по определению подразумевают гетероморфность в элементарном плане. Во-вторых, анализ ориентирован на выявление, в первую очередь, более общих (предположительно — универсальных) закономерностей и на определение более частных как производных от общих. Забегая вперёд, остановимся на примере закономерностей выражения отношений смысловой предикации («актуального членения»), т. е. предположительно универсального и наиболее важного для смыслоразличения типа структурных отношений.

Так как любые отношения различимы лишь постольку, поскольку они отражены в материи языка, универсальному отношению должен соответствовать и универсальный способ выражения. Естественный, на первый взгляд, способ — соположение членов смысловой предикации (или словопорядок) — не может быть универсальным из-за использования его для выражения иных синтаксических отношений, а также из-за противоборства двух тенденций мышления: к сохранению последовательности развития мысли и к выражению только, или в первую очередь, ремы. Однако универсальный способ все-таки обнаруживается — в ритмо-мелодической организации предложения, которая устанавливает одинаковую последовательность предикаций при любых «актуально- и формально-синтаксических» трансформациях предложений (с учетом лексических). Ср.:

У этого человека терпение прямо-таки удивительное—

У этого человека прямо-таки удивительное терпение —

That man has extraordinary patience — Терпение у этого

человека прямо-таки удивительное—The amount of pati-

ence that man has is just wonderful — Прямо-таки

удивительное терпение у этого человека — It's just

wonderful the amount of patience that man has.

Не вдаваясь в детали за отсутствием места, отметим, что абсолютная рема (полужирный шрифт) во всех случаях выделяется логическим ударением, а абсолютная тема (курсив) несет наименее сильное ударение, и это ощущается как относительная безударность, когда она находится в интерпозиции или постпозиции, обособленная как ритмомелодическое приложение. Анализ показы-

вает, что ритмо-мелодические сдвиги совпадают с отступлениями от одной из двух оптимальных предикационных последовательностей, которой соответствует плавно нарастающая ритмо-мелодическая гамма. Оптимальные последовательности определяются отношениями имманентной тематичности-рематичности, существующими между некоторыми семантическими категориями. Эти последовательности и создают два базовых словопорядка (так называемого «прямого» и «обратного»). Так намечается взаимосвязь фундаментальных закономерностей языкового моделирования. На фоне универсального ритмо-мелодического способа выражения предикационной последовательности уточняется типологическая значимость таких способов, как словопорядок и союзно-деиктическая сегментация. Последняя характерна для аналитических языков. Суть ее заключается в замещении деиктиками позиций обособленных тем и рем (ритмо-мелодических приложений), иногда с выделением последних союзами. Ср. последний из примеров, приведенных выше, и следующий ряд структурных эквивалентов: *Thàt nìght (there) bròke òut a heàvy stórm — There bròke òut thàt nìght a heàvy stórm — There bròke òut a heàvy stórm that nìght — A heàvy stórm bròke òut that nìght.*

Третья оговорка состоит в том, что сопоставляться должны факты возможно большего количества языков и, главное, всех сфер и условий речевого мышления. Следует, например, учитывать, что общие разным языкам закономерности могут не встречаться в доминирующих структурах (*That bèar was killed by my fáther — «Медведя этого убил мой отёц»*), но выявляться в факультативных (*It was my fáther killed that bear — «Это мой отёц убил медведя»*).

2.0. Остановимся теперь на отношениях преимущества между ПМП и предшествующим переводоведением. В свете предпосылок и установок ПМП можно показать, что она наследует основные принципы лингвистической теории перевода, изучавшей преимущественно мыслительную сторону деятельности переводчика⁶, но противостоит тем тече-

⁶ Имеется в виду прежде всего изложение этой теории в работах: А. В. Федоров. Основы общей теории перевода. М., «Высшая школа», 1968; J.-P. Vinay, J. Darbelnet. *Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode de traduction*. P., 1958.

ниям, которые трактуют перевод преимущественно как процесс коммуникации, опираясь на семиотические или семиолингвистические представления⁷.

2.1. Семиолингвистическая методология неприемлема для ПМП прежде всего потому, что не позволяет даже ставить вопрос о взаимосвязи формы и содержания, ибо рассматривает языковой знак как априорное двуединство означающего и означаемого⁸. Такое представление о знаке как о двусторонней сущности игнорирует очевидную многозначность языковых форм и потому оспаривается даже и в самой семиотике⁹. Если все же в семиотике оно сохраняется, то потому, видимо, что в ней рассматриваются не процессы мыслительно-речевой деятельности, но отношения ее результатов (Именно результаты — данная форма знака, данное содержание знака, данный обозначаемый знаком предмет — отражаются вершинами семиотического треугольника.) При этом семиотику специально интересует не лингвистически релевантное отношение формы знака к его содержанию, а лингвистически иррелевантное отношение их двуединства к предмету внешней сознанию действительности¹⁰.

2.1.1. Важно, далее, что семиолингвистическая концепция знака объективно затрудняет понимание взаимосвязей содержательных и формальных категорий между собой. При последовательно семиолингвистическом подходе к языку и мышлению¹¹, «лингвистическое» значение, объединяемое с формой знака, отрывается от «экстралингвистического» смысла. С другой стороны, теряется целостность представления о языке как о системе средств и прин-

⁷ Наиболее последовательно такой подход к переводу проводится в работах: И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг. Основы общего и машинного перевода. М., «Высшая школа», 1964; O. Kade. Kommunikationswissenschaftliche Probleme der Translation. „Grundfragen der Übersetzungswissenschaft“. Leipzig, 1968.

⁸ См.: И.И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг. Указ. соч., с. 47.

⁹ А. А. Ветров. Семиотика и ее основные проблемы. М., Политиздат, 1968, с. 45 и след.

¹⁰ См., напр.: А. А. Ветров. Указ. соч; Л. О. Резников. Гносеологические вопросы семиотики. Л., Изд-во ЛГУ, 1964.

¹¹ Таков, например, подход В. А. Звегинцева, см. его. Семиолингвистические универсалии. «Язык и человек». М., Изд-во МГУ, 1970. Ср. также: Э. Бенвенист. Уровни лингвистического анализа. «Новое в лингвистике», вып. IV. М., «Прогресс», 1965.

ципов их взаимодействия, ибо все множество речевых форм разбивается — по признаку наличия или отсутствия значения — на знаки и незнакомы, и только первые признаются членами системы. При этом остается неясным, что собственно считать знаком или «элементарным» знаком. Более или менее очевидно лишь противопоставление слов-лексем как знаков предложениям как незнакомым. В этой связи следует заметить, что по способности иметь значение элементарным знаком приходится считать не лексему, а только морфему. Лексемы — это в принципе уже сложные знаки или знаковые структуры: комбинации корневых, деривационных и реляционных морфем. Но в этом смысле сложными знаками являются также и словосочетания, и предложения, ибо их отличают только для них характерные средства, причем не одни лишь «знакообразные» морфемы, но и такие «эфемерные», но тем не менее языковые средства, как позиция и ритмомелодика. С содержательной же точки зрения, между любыми знаками нет иных различий, кроме как в масштабах смысла и его «расчлененности». В пограничных условиях морфема может быть равновелика лексеме, словосочетанию и предложению, а значение, таким образом, равновелико смыслу. Предикативностью же обладает не только предложение, но любой «актуализованный» (в понимании Ш. Балли) знак речи.

Особо следует подчеркнуть, что, не будучи предложением или частью его, как морфема, так и лексема не существуют ни как особая форма (словоформа), ни как единство формы и содержания. О взаимозависимости всех знаковых форм ясно свидетельствуют наблюдения за процессами порождения речи. Так, формирование уже одной лексемы может предопределить выбор типа предложения (способ «расчленения» смыслового целого). Но точно так же и выбор типа предложения может предопределить «расчленение целого» и «вычленение» значений, а вместе с тем и выбор морфем и формирование лексем. Предложения, таким образом, идиоматичны, как и прочие знаки. Их идиоматичность проявляется в значениях составляющих, в чем легко убедиться, например, при сопоставлении эквивалентных типов разноязычных предложений. Ср.:

I have a brother — У меня есть брат; I have a complaint to lodge with you — У меня к вам жалоба; I had a sudden stab of pain — Меня вдруг пронзила острая

боль; I had no fault to find with my treatment — У меня не было оснований жаловаться на обращение.

Для теории перевода факт идиоматичности любых форм весьма важен, так как показывает бесплодность попыток искать среди них единицу перевода.

2.1.2. К сказанному можно добавить, что неслучайно и в переводоведении семиолингвистического направления нет ясности по проблеме взаимосвязи между отдельными содержательными и формальными категориями. Так, например, Ревзин и Розенцвейг (указ. соч), оперируя то понятием знака, то понятием сообщения, избегают вопроса о сущности и взаимосвязи этих форм, равно как и соответствующих им «обозначаемых»: значения и смысла. У других авторов фигурируют различные виды значений (у О. Каде, например, это семантические, сигнификативные, денотативные и прагматические значения), но взаимосвязи их между собой и с соответствующими им формами никак по сути дела не расшифровываются, а содержание как целое, подлежащее переводу, выступает в форме отвлеченного от языковых данностей понятия «информации» или «коммуникативной значимости» (также «намерения» и «эффекта»). Два обстоятельства следует отметить особо. Во-первых, то, что из общего содержания выпадают стилистические элементы. У О. Каде, например, они соотносятся не с означаемым знаком, а с отношением коммуниканта к знаку. Во-вторых, то, что неясной остается взаимосвязь понятий смысла и действительности. Причина, видимо, опять-таки в том, что действительность понимается семиотически, как «экстралингвистическая», внешняя сознанию сущность (ср. с «объективной реальностью» И. А. Кашкина). Такая действительность не имеет отношения к переводу, ибо ее можно воспринимать или «интерпретировать» по-разному. «Действительность», релевантная переводу, есть вполне определенная «интерпретация» внешней сущности. Это, по существу, наиболее общее понятие о смысле как об определенном образе восприятия или представления внешней действительности (ср. с «художественной действительностью» Г. Р. Гачечиладзе). Нельзя согласиться с тем, что при какой бы то ни было разновидности перевода «тождество смысла, вообще говоря, не требуется»¹². Перевод подразумевает сохра-

¹² И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг (об «интерпретации» как разновидности перевода). Указ. соч., с. 65.

нение смысла как образа восприятия (насколько это возможно — вопрос особый), иначе пришлось бы рассматривать как «взаимопереводы» такие, например, высказывания, как «Мой муж курит» и «Мой сумасшедший травит себя никотином».

2.2. В отличие от семиолингвистической теории лингвистическая теория перевода (ЛТП) по всем затронутым вопросам занимает позиции, вполне совместимые с установками ПМП. Прежде всего для ЛТП, как и для ПМП, характерно понимание формы (= знака, означающего), и содержания (= значения, означаемого) как отдельных сущностей и, соответственно, знакового отношения как такой их взаимосвязи, которая возникает непосредственно в процессе мышления. К такому выводу неизбежно приводят положения ЛТП о том, что слово как факт языка принципиально многозначно и обретает конкретное значение только в контексте речи. В «сосюринских» терминах языковая форма как «акустический образ» обладает лишь значимостью, т. е. потенциальной соотносимостью с несколькими означаемыми, но двуединство означающего и означаемого — «определенного понятия и акустического образа» — есть факт не языка, но речи, т. е. результат мышления. Противоположение формы содержанию — и только оно — позволяет ставить вопрос о характере их взаимосвязи.

2.2.1. ЛТП отличает также целостность взгляда на содержание. Коль скоро значение формы устанавливается только в контексте, очевидно, что оно составляет неотъемлемую часть более общего целого — содержания¹³. Содержание же фактически отождествляется с действительностью, которая понимается не как внешняя сознанию сущность, но как своеобразный для автора и адресата речи образ восприятия объективной действительности. Именно с пониманием значения, содержания и действительности как нераздельных сущностей связано важнейшее для ЛТП положение — о н е р а з д е

¹³ О том же, кстати, свидетельствует и требование структурной семантики описывать значения слов в их «ситуационных формах», см.: И. А. Мельчук. К принципам описания означаемых (о лингвистической семантике). «Язык и человек». М., Изд-во МГУ, 1970, с. 211—212. Нетрудно убедиться также, что даже определяя значения отдельных слов, мы прибегаем к мысленному эксперименту: помещаем форму в некоторый мысленный контекст и таким образом наделяем ее значением.

лимости смысловых и стилистических характеристик речи.

В развитие этого положения ПМП рассматривает действительность — отражаемую и воспроизводимую (или — в творческом мышлении — создаваемую) сознанием в мысли-речи — не как действительность, внешнюю сознанию, но как синтетическую «действительность сознания», как континуум знания объективной действительности¹⁴, окружающей человека среды и его взаимодействия с нею. Из дискретных признаков, составляющих это знание, сознание формирует различные образы восприятия или представления объективной или воображаемой действительности — равным образом как «материальных объектов» и «предметных ситуаций», так и «идеальных объектов» и «речевых ситуаций»¹⁵. При этом признаки внешней сознанию действительности (диктальные) тесно переплетаются с признаками эмоциональной или рассудочной реакции на них (модальными). Отсюда и тождество действительности и содержания, и стилизации мысли-речи. Ясно, что любые образы восприятия всегда «функционально стилизованы» отношением мыслящего субъекта к объекту мысли, которое проявляется в отборе признаков, составляющих эти образы или, будем говорить, **сигнификаты**, во включении в них признаков оценки, в вычленении так или иначе стилизованных сигнификатов в ситуации и т. д.. Ср. в этой связи различия между сигнификатами, отражающими одни и те же явления, но (в данных частных случаях) означаемыми разными знаками: «лицо — рожа — рожица»; «судно — корабль — посудина — калаша»; «сушка — дегидратация»; и т. д. и т. п. (ср. также высказывания в 2.1.2.).

Стилистические различия осознаются таким образом как различия собственно смысловые, обусловленные тем или иным функциональным ключом мышления. Таких ключей, по-видимому, всего два: рассудочно-понятийный и эмоционально-образный. Каждый создает **функциональный стиль мышления** как совокупность закономерностей образования сигнификатов, различающихся сос-

¹⁴ Этот аспект подчеркивался нами и ранее см.: Ю. Г. Кузьмин. К вопросу о предмете и методе теории перевода. «Вопросы теории и практики научно-технического перевода». Л., 1968, с. 8, 14.

¹⁵ О различении этих понятий см.: В. Г. Гак. О моделях языкового синтеза. «Иностранные языки в школе», 1969, № 4; В. Н. Комиссаров. Лингвистические модели процесса перевода. «Тетради переводчика», № 9, М., 1972, с. 10.

тавом признаков и их ассоциациями (образы, представлений, понятия), а также различной структурной организацией сигнификатов (образный, логический и т. п. «строй мысли»).

Такое понимание функциональных стилей противостоит отождествлению их с речевым материалом конкретных сфер деятельности, которое представляется теоретически неосновательным. Во-первых, ни в какой сфере деятельности мышление не может быть гомогенным (только рассудочно-понятийным, только эмоционально-образным и т. д.). Во-вторых, четких различий нельзя провести даже между функциональными разновидностями сигнификатов. Сигнификат (=значение) вообще представляется не строго определенным комплексом признаков, но некоторым я д е р н ы м о б р а з о в а н и е м с множеством фоновых ассоциаций. Это относится, в частности, и к сигнификатам-значениям терминов, которые нередко ошибочно противопоставляют «обычным» значениям как определенные и интернациональные. Как свидетельствует практика стандартизации терминологии, значения терминов не только не определены, но и трудно определены. Нелегко также дифференцировать значения терминов на понятия и представления¹⁶.

В-третьих, речевую практику определяют не только функционально-стилистические закономерности мышления, но и коммуникативно-стилистические закономерности, под которыми понимаются закономерности отбора и структурной организации сигнификатов в определенном к л ю ч е к о м м у н и к а ц и и, т. е. в соответствии с з а д а ч а м и к о м м у н и к а ц и и (повествование, информация, апелляция, волеизъявление), о с о б е н н о с т я м и а д р е с а т а (уровень развития, социальный статус) и у с л о в и я м и к о м м у н и к а ц и и (слуховые, зрительные). Обе разновидности стилистических закономерностей можно проследить в прагматически типизированных (жанровых) речевых материалах лишь как т е н д е н ц и и.

Наконец, в-четвертых, языковые формы речи отнюдь не определяют функционально-стилистических различий, ибо эти последние маркируются языком совершенно так же, как и «обычные» смысловые: не более и не менее регулярно и

¹⁶ Известно, например, что для творческого мышления существенно, чтобы даже самые абстрактные понятия включали в себя наглядно-образные признаки. См., напр.: Д. В. Ш и р о к о в. Неуловимость конечной истины. «Знание — сила», 1971, № 4; (физик о понятиях физики).

не единообразно в разных языках. Так, в русском различаются знаково общее представление «враг» и военно-техническое понятие «противник», но не различаются военно- и спортивно-технические понятия «противника». В английском же наоборот: первая пара означает одинаково (enemy), а вторая — различно (enemy — opponent).

2.2.2. В отношении к формальным категориям для ЛТП характерна традиционная лингвистическая точка зрения. Существенно, однако, что ЛТП подчеркивает идиоматичность любых форм. Именно поэтому Вине и Дарбельне констатировали¹⁷, что единицей перевода может быть только «единица мысли» и при этом определили ее как структуру, указав, что в речи ей соответствует «синтагма, один из элементов которой определяет перевод другой»¹⁸. И хотя сами авторы этой идеи не вышли за рамки рассмотрения «лексикологических единиц», думается, что она вплотную подводит нас к выявлению универсальной закономерности моделирования мысли в материи языка.

Развивая эту идею, ПМП отмечает, что синтагматическое отношение определения существует между непосредственными составляющими любых морфосинтаксических структур, независимо от типа формальной связи между ними. Именно это универсальное отношение служит основанием для доказательства взаимообратимости номинаций и предикаций (О. Есперсен, Ш. Балли); для сведения известных синтаксических трихотомий (О. Есперсен, У. Вайнрайх) к иерархиям дихотомий: «предмет — признак», «признак — признак признака» и «аргумент — предикат 1-го порядка», «предикат 1-го порядка — предикат 2-го порядка»; для приведения всех атрибутивных и предикативных отношений в предложении к общему подчинительному — «экспликандум — экспликант» (С. Д. Кацнельсон).

Особо существенно, что совершенно то же отношение определения — но, так сказать, в чистом виде — выявляется в «неграмматических» структурах смысловой предикации (тема-рема), а также и в области «чистого смысла» — между признаками, образующими смысловые структуры отдельных и взаимосвязанных означаемых.

¹⁷ См.: J.-P. Vinay, J. Darbelnet. Op. cit., p. 37.

¹⁸ Ibid., p. 42.

2.2.3. Принимая все это во внимание, любую структуру с отношением «определяемый элемент — элемент определяющий» можно рассматривать как ту или иную модель **универсальной структуры смысловой предикации** или **предикатемы**. Представляется, что смысловая предикация отражает акт мышления: присоединение к данному в сознании признаку или комплексу признаков — **ТЕМЕ** — **привозбуждаемого** признака или комплекса — **РЕМЫ**. Всякая предикатема может быть представлена формулой «тема-рема» или $T - R$, где T и R суть признаки взаимосвязи (любых) смысловых целых или **структурообразующие функции**. Элементарной предикатемой «чистого смысла» будет пара «признак — признак». Но применительно к языковым моделям элементарная предикатема — это уже, как правило, пара **монем**, **призначных комплексов**, соответствующих морфемам. Здесь проявляется наиболее существенная черта языка как моделирующей системы — **синкретизация смысла**. Это — **универсальная закономерность**, которая прослеживается также в объединении морфем в лексемы, лексем в словосочетания, словосочетаний в предложения, т. е. в сложные знаки, строящиеся по принципу «предикатема-в-предикатеме». Перечисленные ступени синкретизации универсальны. Однако каждому языку (типу языка) свойственны собственные способы синкретизации — **идиосинтаксические (типологические) закономерности моделирования**. Для теории перевода необходимо знание условий перехода от идиосинтаксических закономерностей к универсальным и наоборот, ибо это — условия восстановления смысла по моделям и адекватного его перемоделирования.

3.0. Попытаемся теперь кратко сформулировать основные положения ПМП.

Перевод рассматривается как мыслительно-речевая деятельность, которая понимается как **моделирование** средствами звукового языка отраженной и воспроизводимой в сознании объективной действительности. Действительность — или континуум знания о действительности в форме закодированных в нейронах мозга признаков — определяется в отношении к языку как **система-объект**. Язык — или система закодированных в нейронах звуков и их комбинаций — определяется в отношении к действительности как **моделирующая система**. Отношение форм речи к отраженной в ней

действительности (или знаковое отношение) — как отношение модели к объекту. Процессы моделирования схематизируются следующим образом.

При порождении речи в системе-объекте возбуждается, в результате чувственного восприятия или иного стимула, **ситуация-объект**, т. е. структура взаимосвязанных признаков, составляющих знание о денотате или денотативной ситуации. Часть этих признаков ассоциируется в специфичные для данного языка ядерные комплексы — **ядерные монемы** или **сигнификаты**, своего рода модели знания о денотатах. Сигнификаты ассоциируются в структуры — **сигнификативные ситуации** (-ПС-модели высказываний). При этом ядерные монемы могут дополняться признаками **классифицирующих монем**, а связи между сигнификатами — оформляться признаками **реляционных монем**. С признаками, ассоциированными в монемах, всегда также ассоциировано еще некоторое множество признаков ситуации, составляющих **денотативный фон**, который определяется как **конситуация** или **контекст**, в зависимости от стимула возбуждения ситуации: чувственного (умозрительного) восприятия или речи. Каждая из монем **ф и к с и р у е т с я** звуковым комплексом — **простым знаком-морфемой**. Морфемы синкретизируются в **сложные знаки** (=ПВ=модели): лексемы, лексические единства, предложения. Кроме фиксации смысла в сознании автора мысли-речи знаки служат и второй цели — возбуждению аналогичной ситуации-объекта в сознании адресата речи в случаях коммуникации (знак, таким образом, является посредником между сознаниями коммуникантов).

При восприятии речи знаки возбуждают в системе-объекте сигнификаты, от которых подвозбуждается фон, и, таким образом, возбуждается ситуация-объект в целом. При переводе происходит перераспределение ИЯ-монем с признаками фона («перечленение действительности»). В результате образуются ПЯ-монемы, ассоциируемые в новые сигнификативные ситуации, специфичные для знаков ПЯ.

3.1. Из выводов, которые позволяет сделать модель по актуальным вопросам переводоведения, остановимся здесь лишь на некоторых, наиболее существенных для понимания речевого мышления как моделирования.

3.1.1. В элементарном плане модель предполагает неопосредованную, прямую связь знаков с сигни-

фикатами (монемами). Отклоняется идея «общего» или «опорного» (Г. П. Мельников) значения, порожденная, видимо, свойственной знакам «внутренней формой» (ВФ). С точки зрения ПМП, ВФ есть универсальный способ организации языковых систем со своей спецификой в каждой и как таковая определяет з н а ч и м о с т ь ф о р м, но не связь их со з н а ч е н и е м. Прежде всего ВФ в о в с е не ощущается во взаимосвязи знаков с их первичными или «свободными» (Ю. С. Степанов) значениями. При «переносном» же употреблении знака ВФ не только не помогает, но п р е п я т с т в у е т поиску релевантного значения. В частности, именно ВФ ведет к буквализму в переводе. Дело в том, что ВФ знака образуют существенные признаки (именуемые в ПМП опосредствующими признаками или ОП) первичного для него сигнификата (ср. «зеленый» о цвете). Но для прочих его означаемых признаки ВФ не являются существенными (так, «зеленый» в «зеленый специалист» имеет признак цвета в качестве ВФ, но признак опыта в качестве ОП). Для определения сигнификата по знаку и наоборот между ними должна быть установлена прямая связь — по ОП¹⁹.

3.1.2. В с т р у к т у р н о м п л а н е [выделяются три ряда признаков взаимосвязи, именуемых **структурообразующими функциями** (СФ). Первый ряд составляют классификационные признаки или **категориальные функции** (КСФ): субъекта, объекта и адресата мысли, модуса и диктума, ситуации, объекта (предмета), характеристики действия, субъекта и объекта действия, состояния и т. д. Второй ряд составляют признаки членов смысловых предикатом — темы и ремы — или **предикационные функции** (ПСФ). Особо подчеркивается, что функции этих двух рядов, во-первых, универсальны (нет таких сигнификатов и знаков, взаимосвязь которых они не опосредовали бы), а во-вторых, что это — п о т е н ц и а л ь н ы е, или п е р е м е н н ы е функции с и г н и ф и к а т о в, вычленяемые в ходе развития мысли. Иначе говоря, всякие категориальные или предикационные конверсии или реверсии (ср. stone wall ↔ wall stone; The details of contract are now being discussed ↔ The discussion now is on details of contract и т. п.) суть трансформации сигнификативных моделей.

¹⁹ Отсюда, между прочим, тенденция к специализации терминологии, а также к замене стихийно возникших терминов такими, в которых ВФ соответствовала бы ОП.

Третий ряд составляют **реляционные функции (РСФ)**, специфичные для моделирующих систем признаки членов **внутренних структур сложных знаков**, а именно: (а) лексических единств (словосочетаний), к которым относятся предикации (развернутые предикатемы), номинации (свернутые предикатемы и полупредикации — промежуточный тип предикатемной модели); и (б) полипредикатемных предложений. Связи по РСФ суть формализованные связи по некоторым общим КСФ. Двумя основными являются: КСФ «объект»-РСФ определяемого, субъекта полупредикации и подлежащего; и КСФ «характеристика»-РСФ определения, сказуемого или предиката. Но иерархически высший тип знака — полипредикатемное предложение — имеет также и особые типы связи, прежде всего — «субъектно-объектную» или, точнее, межобъектную. Когда в ситуации вычленяется несколько объектов, взаимосвязанных единой характеристикой, отношения между ними упорядочиваются противопоставлением одного как **центрального** (подлежащего — «первого актанта» по Л. Теньеру) прочим как **периферийным** (дополнениям). Два обстоятельства особо акцентируются в ПМП. Во-первых, то, что разные языки выбирают разные объекты в качестве центральных. Так, из пары «действующий объект — объект воздействия» языки номинативного строя выбирают в качестве подлежащего первый, а языки эргативного строя — второй. Во-вторых, то, что к дополнениям следует относить не только дополнения в традиционном смысле, но и (по крайней мере, некоторые) обстоятельства и предикативы, включая инфинитивы (ср. «Она шьет» — «Она научилась шить (шитью)» — «Шить (шитью) она научилась в детстве»). Дифференциация дополнений идет уже не по линии РСФ, а по линии КСФ, с одной стороны, и по линии ПСФ, с другой. По второй линии различаются дополнения рематические и дополнения тематические, типа «детерминантов» Н. Ю. Шведовой.

3.1.3. В аспекте порождения полипредикатемное предложение представляется результатом **стяжения** нескольких предикатем вокруг одной ядерной, которая моделируется как мысль в развитии, как развернутая предикатема²⁰. Стяжение создает иерархически сложную внутрен-

²⁰ Следы незавершенного стяжения можно видеть, например, в структурах типа: *There is a client wants to see you, sir; It was my father killed that bear; L'écran: une masse, aérolith ou fusée, piquait droit sur la D—7.*

нюю структуру предложения, члены которой соотносятся между собой как темы и ремы различных рангов (тема и рема предложения и низшие, в их составах), различимые по формальным показателям, главным образом, ритмо-мелодически и позиционно, и по КСФ. По другой линии взаимосвязей (РСФ) создается иная иерархия: главных и второстепенных членов.

Различение трех рядов функций в ПМП напоминает различение трех структурных уровней или уровней анализа предложения²¹. Однако, с точки зрения ПМП, КСФ используются лишь для регулирования предикационных и реляционных отношений, т. е. играют косвенную роль, а непосредственная структурообразующая роль принадлежит только рядам ПСФ и РСФ, причем они создают не две разные, а единую структуру предложения, и первому ряду принадлежит приоритет. В некоторых типах предложений можно обнаружить только рему (предикат) или только тему и рему, но не подлежащее, сказуемое и т. п. В ряде случаев отдельные элементы согласуются только по ПСФ (так, в «Это идет отец» деиктик согласуется только как Т, с группой Р — S как R), и вообще многие элементы предложений (атрибутивные, вводные, обособленные, деиктические, союзные и т. д.), и в том числе придаточные «предложения-в-предложениях», не могут быть определены иначе как по ПСФ. Особо следует подчеркнуть, что предикационные связи влияют на реляционные не только в смысле аранжировки данных означаемых (проблема инверсий), но и в смысле самого состава означаемых (определения способа моделирования ситуации). Ср. в этой связи хотя бы примеры в 1.2.

3.2. Представляется, что исходя именно из предикационных взаимосвязей можно вывести универсальные закономерности порождения предложений в различных условиях мыслительно-речевой деятельности (в частности, в условиях влияния контекста и отсутствия такого влияния). Вместе с тем, принимая во внимание, что различение трех рядов СФ позволяет охарактеризовать каждый элемент предложения как носителя функций тех или иных рядов, представляется возможным вывести типологические и идиосинтаксические

²¹ F. Daneš. A Three-Level Approach to Syntax. "Travaux linguistiques de Prague". 1. Prague, 1964; М. М. Гухман. Понимание подлежащего в языках разных типов. «Члены предложения в языках различных типов». Л., «Наука», 1972.

закономерности моделирования как тенденции к совмещению функций различных рядов в определенных языках и в определенных условиях мыслительно-речевой деятельности.

В. Н. Комиссаров, Г. Я. Туровер
(Москва)

ПЕРЕВОД КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Хорошо известно, какое важное место в истории языкознания занимает сравнительный анализ родственных языков (например, в рамках сравнительно-исторических исследований) или языков, не связанных общностью происхождения¹. Одним из важнейших методов лингвистического исследования всегда было сопоставление однотипных явлений в разных языках. В большинстве случаев объекты сопоставления выделялись в результате независимого изучения соответствующих языков. В процессе такого изучения в разных языках обнаруживались явления, занимавшие сходное положение в языковой структуре, что и давало основу для их сопоставления. Нетрудно заметить, что при этом сравнивались единицы, предварительно уже «извлеченные» из «речевых произведений» (текстов) соответствующих языков. Поэтому исходным материалом здесь служили те же лингвистические источники, которые используются при изучении системы любого, отдельно взятого языка: некоторая совокупность речевых произведений, порожденных «носителями» данного языка.

Однако существует и иной путь выделения объектов сопоставительного исследования. В этом случае в качестве лингвистического источника избираются речевые произведения особого рода, порождаемые в процессе специфической деятельности — перевода. Еще Ш. Балли обратил внимание на то, что важные для языкознания результаты могут

¹ Как известно, метод исследования, предполагающий сравнение неродственных языков, обычно именуется «сопоставительным». См., напр.: В. Н. Я р ц е в а. О сопоставительном методе изучения языков. «Филологические науки», 1960, № 1; А. В. И с а ч е н к о. Сопоставительное изучение языков как особая лингвистическая дисциплина. «Вопросы преподавания русского языка в странах народной демократии». М., Изд-во Акад. пед. наук, 1961; А. А. Р е ф о р м а т с к и й. О сопоставительном методе. «Русский язык в национальной школе», 1962, № 5.

быть получены при сопоставлении переводов с их иноязычными оригиналами.²

В настоящее время все большее число лингвистов обращается к изучению процесса перевода и его результатов. Перевод нередко определяется как «одна из основных проблем человеческого общения».³ При этом признание важности лингво-переводческих исследований обычно сопровождается указанием на необходимость использования их в качестве одного из методов сопоставления языков.

«Любое сравнение двух языков подразумевает исследование их взаимной переводимости; широко распространенная практика межъязыковой коммуникации, особенно переводческая деятельность, должны находиться под постоянным наблюдением лингвистической науки»⁴.

Предполагается, что сопоставление переводов с их оригиналами дает возможность выявить целый ряд языковых особенностей, которые остаются скрытыми при использовании иных методов исследования.⁵

В соответствии с этими постулатами в последнее время появилось немало работ, которые основываются на сопоставительном анализе переводов.⁶ В подобных работах сопос-

² См.: Ш. Б а л л и. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., ИЛ, 1955.

³ О. С. А х м а н о в а, И. А. М е л ь ч у к, Е. Б. П а д у ч е в а, Р. М. Ф р у м к и н а. О точных методах исследования языка. М., Изд-во МГУ, 1961, с. 20. См. также: Л. С. Б а р х у д а р о в. Общелингвистическое значение теории перевода. «Теория и критика перевода». Л., Изд-во ЛГУ, 1962; М. А. К. H a l l i d a y. The Comparison of Languages. In: A. M c I n t o s h and M. A. K. H a l l i d a y. Patterns of Language. Ldn, 1966, p.p. 28—39; Н. Д. А н д р е е в. Лингвистические аспекты перевода. — В сб.: Proceedings of the Ninth International Congress of Linguists. Cambridge, Mass., 1962; The Hague, 1964, p. 634.

⁴ R. J a k o b s o n. On Linguistic Aspects of Translation. In: "On Translation". Cambridge, Mass., 1959, p. 234.

⁵ См.: J.-P. V i n a y, J. D a r b e l n e t. Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode de traduction. P., 1958, pp. 25—26; R. W. J u m p e l t. Die Übersetzung naturwissenschaftlicher und technischer Literatur. Berlin, 1961, S. 51; C. R a b i n. The Linguistics of Translation. In: "Aspects of Translation". Ldn., 1958, p. 139.

⁶ См., напр.: Н. А. К а т а г о щ и н а, Е. М. В о л ь ф. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков (ибороманская подгруппа). М., «Наука», 1968; А. А. С м о л ь е в с к и й. К вопросу о соотношении логической и синтаксической структур в простом предложении в латинском, итальянском и французском языках. «Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков» М., «Наука», 1966, с. 129—143; и в осо-

тавляемые единицы выделяются из речевых произведений, одно из которых является переводом другого. Текст перевода выступает здесь в качестве прямого лингвистического источника, и определенные заключения, касающиеся данной языковой единицы, должны выводиться из того факта, что она служит переводом какой-то единицы другого языка или сама переводится при помощи этой единицы.

Возникает вопрос, правомерно ли использовать перевод в качестве источника данных для лингвистического исследования? Наряду с работами, в которых, прямо или косвенно дается положительный ответ на этот вопрос, в лингвистической литературе можно встретить и прямо противоположную точку зрения. Так, Дж. Фёрс полагает, что «...использование перевода в качестве основы лингвистического анализа на любом уровне является обычно источником ошибок».⁷

Еще более категоричен К. Р. Бауш, считающий, что перевод преимущественно субъективен и не может давать объективные данные об эквивалентности лингвистических фактов двух или более языков.⁸

Существование столь противоречивых взглядов в значительной степени объясняется недостаточной разработанностью вопроса об особенностях переводных текстов с точки зрения их использования в качестве лингвистического источника.⁹ Исследование этого вопроса представляет не-

бенности работы В. Г. Гака «Проблемы лексико-грамматической организации высказывания». Докт. дисс. М., 1967; «Беседы о французском слове». М., «ИМО», 1966; «Русский язык в зеркале французского». «Русский язык за рубежом», 1967, № 3; 1968, № 1, 3; 1969, № 1, 3; 1970, № 3; 1971, № 2 и др., а также A. Malblanc. *Stylistique comparée du français et de l'allemand. Essai de représentation linguistique comparée et étude de traduction*. 3 ed., P., 1966; H. W. Kirkwood. *Translation as a Basis for Contrastive Analysis*. IRAL, VI, 1966; M. Yelinek. *Principes des études stylistiques comparatives. «Résumés de communications du Xme Congrès International de Linguistes»*. Bucarest, 1965.

⁷ J. R. Firth. *Linguistic Analysis and Translation*. In: "For Roman Jakobson". The Hague, 1956, p. 135.

⁸ См.: K. R. Bausch. *Qualité en traduction et linguistique dite «différentielle»*. «Babel», 1970, n° 1; ег о ж е. *Linguistique comparative, linguistique appliquée et traduction*. «Meta». Vol. 16. n° 1—2, mars — juin 1971.

⁹ Отдельные замечания по данному вопросу см.: А. В. Федоров. О задачах сопоставительного изучения языков. — В сб.: А. В. Федоров, Н. Н. Кузнецова, Г. Н. Морозова, И. А. Цыганова. *Немецко-русские языковые параллели*. М., Изд-во лит. на иностр. яз., 1961; J. Ellis. *Towards General Comparative Linguistics*. The Hague, 1966, pp. 38—39; H. W. Kirkwood.

сомнительный интерес как для развития лингвистического переводоведения, так и для правильной постановки ряда проблем лингвистического источниковедения.¹⁰

В то же время языкознание уже давно практически установило необходимость широкого использования перевода в лингвистических исследованиях, избрав в качестве их фундамента Росетский камень, давший возможность подтвердить один из самых замечательных экспериментов в истории языкознания.

Естественно, что говоря об использовании текста перевода в качестве лингвистического источника, следует прежде всего определить, чем такой текст отличается от любых текстов, порожденных не в процессе перевода. В основе отличия лежит, разумеется, тот факт, что текст перевода создается, чтобы служить равноценной заменой, определенного иноязычного текста (оригинала), репрезентировать его. Вследствие ориентированности перевода на оригинал создается своеобразная лингвистическая ситуация, внешне выражающаяся в условном приписывании речевого произведения на одном языке «носителю» иного языка (например, «Собрание сочинений Ч. Диккенса на русском языке»). Текст любого, скажем, англо-русского перевода может рассматриваться не только как речевое произведение, созданное в соответствии с правилами порождения единиц речи в русском языке, но и как результат определенного ряда преобразований английского оригинала. Отсюда следует, что такой текст будет отличаться от «непереводных» русских текстов следующими

Translation as a Basis for Contrastive Linguistic Analysis. "International Review of Applied Linguistics". Heidelberg, 1966, vol. VI, n° 3; G. A. I. Recker and W. Grebenschikov. Les objectifs de l'analyse comparée des traductions. «Meta». Journal des Traducteurs. Montréal, 1964, n° 9; L. Spalatin. Contrastive Methods. «Studia Romanica et Anglica Zagrabienia», n° 23, 1967.

¹⁰ В соответствии с появившимися в последнее время работами, в частности, см. С. И. Котков. О предмете лингвистического источниковедения. «Источниковедение и история русского языка». М., «Наука», 1964; см. также его вступительную статью к сборнику «Лингвистические источники», (М., «Наука», 1967), представляется правильным разделить источники на первичные, в которых языковой материал получает свое начальное закрепление, и вторичные, т. е. адаптированные для целей лингвистического исследования (лексиконы, картотеки), а в составе источников различать лингвистическую содержательность и информационность. В сопоставительных исследованиях, основанных на изучении переводов, последние выступают в качестве первичных, лингвистически содержательных и информативных источников.

основными чертами: а) Он создан для совершенно особой цели — наиболее полной репрезентации иноязычного оригинала, — что уже само по себе выделяет переводы в особую группу речевых произведений на языке перевода или переводящем языке (ПЯ) и может быть причиной каких-то особенностей в выборе или характере используемых в них средств ПЯ. б) Он является результатом осуществления коммуникации особого типа, в процессе которой текст одного языка преобразуется в текст другого языка. в) Он находится в своеобразном отношении к тексту иного исходного языка (ИЯ), представляя как бы его «трансформированное» отражение, что дает возможность в каких-то пределах судить об оригинале по его переводу.

Таким образом, принципиально перевод может рассматриваться в качестве лингвистического источника в трех аспектах: 1) как источник лингвистического анализа в области ПЯ; 2) как источник лингвистического анализа системы отношений между ИЯ и ПЯ; 3) как источник лингвистического анализа в области ИЯ.

Рассмотрим более детально отношения, существующие между переводом и его оригиналом. Возьмем простейший пример перевода какого-нибудь английского предложения на русский язык, например: *The student opened the book*— «Студент открыл книгу». Русское предложение репрезентирует английское так, что услышав английское предложение и задав вопрос: «Что сказал этот англичанин?» русский получит ответ: Он сказал: «Студент открыл книгу». В условной лингвистической ситуации, возникающей, как мы уже отмечали, при переводе, предполагается, что оба предложения тождественны по содержанию. Эта тождественность тоже имеет условный, «переводческий» характер, поскольку она не может означать идентичности плана содержания предложений в целом или составляющих их единиц, если план содержания понимается в лингвистическом смысле как совокупность функций единиц плана выражения, т. е. вся информация, извлекаемая из текстов оригинала и перевода. Семантические различия между этими текстами легко показать на любом уровне анализа. Так, в приведенном примере в русском переводе не передана информация о существовании у слова *student* значения «ученый, исследователь», нет указания на то, что действие описывается не в виде наглядного процесса (в отличие от *was opening*), отсутствует значение определенности, выраженное английским артиклем, и т. п. В то же время в русском пред-

ложении содержится отсутствующая в английском оригинале информация о том, что действующее лицо было мужского рода, что само действие было однократным и завершенным и пр. Все эти расхождения обусловлены самостоятельностью структуры плана содержания каждого языка¹¹, своеобразием набора обязательных семантических категорий, без воспроизведения которых невозможна передача информации средствами данного языка.¹²

Таким образом, в идеале между оригиналом и переводом в плане содержания существует условная эквивалентность, которую можно определить как максимально возможную тождественность (идентичность), допускаемую несовпадением семантических систем ИЯ и ПЯ.

Нетрудно заметить, что подобная идентичность содержания (иначе: эквивалентность) наблюдается не только между оригиналом и переводом в целом, но и между отдельными их элементами. Об этом свидетельствует возможность вопроса: Как переведено в данном случае слово *student*? или утверждение: «Определенный артикль в переводе опущен (т. е. не переведен)». Деление текстов оригинала и перевода на единицы, между которыми существуют отношения эквивалентности может осуществляться путем последовательного замещения отдельных слов оригинала и регистрации результирующих изменений в переводе.¹³ Так, если в английском предложении слово *book* будет заменено словом *door* (*The student opened the door*), то в русском переводе на месте *книгу* появится *дверь*. Отсюда следует, что *дверь* использована в переводе именно для передачи значения слова *door*. Таким образом, можно утверждать, что оригинал и его перевод представляют собой два ряда единиц, попарно связанных отношениями смысловой эквивалентности, а также определенным параллелизмом плана выражения. Именно это обстоятельство является исходным для использования перевода в качестве источника лингвистического исследования.

В идеальном случае расхождения в содержании оригинала и перевода обуславливаются лишь соотношением систем языков,¹⁴ участвующих в процессе перевода и носят вполне

¹¹ См.: J. C. Catford. A Linguistic Theory of Translation Ldn., 1965, p. 36.

¹² См.: R. Jakobson. Op. cit., p. 236.

¹³ См.: J. C. Catford. Op. cit., p. 28.

¹⁴ Включая сюда также построения и особенности ситуативного отбора речевых произведений, специфические для каж-

объективный характер. Этим соотношением определяется и набор языковых единиц, между которыми устанавливаются отношения параллелизма в указанном выше смысле. Однако реально при использовании перевода в качестве лингвистического источника исследователь имеет дело с переводами, лишь в большей степени приближающимися к идеальным. Поскольку система переводческих отношений между языками непосредственно не дана, ни один «диглот» не владеет ею сознательно, эксплицитно. Любая совокупность переводов, которая может служить объектом лингвистического исследования является реализацией интуитивного представления переводчиков о системе таких отношений. Однако это представление есть субъективное отражение объективно существующих отношений, а не результат произвольных спекуляций индивидуума. Поэтому извлекаемые из множества переводов данные о системе переводческих отношений между единицами двух языков могут быть столь же объективны, как и сведения о системе любого языка, извлекаемые из совокупности индивидуальных речевых произведений. Разумеется, и при анализе переводов необходимо отличать частные отклонения от системы, связанные с особенностями (ошибками) деятельности отдельного переводчика, от регулярных фактов реализации системных отношений. В целом, с точки зрения объективности получаемых данных, перевод как лингвистический источник не уступает любым другим речевым произведениям, при том обязательном условии, что эти данные получены с учетом отмеченных выше отношений между переводом и его оригиналом.

Кроме того, можно указать и на некоторые дополнительные условия, соблюдение которых еще более повышает степень надежности и объективности лингвистических данных, извлекаемых из анализа переводов:

1. Предварительное изучение языка (точнее подязыка) перевода по сравнению с языком **непереводных** произведений.
2. Детальный анализ понятия «переводческая эквивалентность» для каждой пары сопоставляемых языков.
3. Изучение характера и типов межуровневых замен при переводе, «искажающих» картину непосредственных отношений между единицами одинаковых уровней двух языков.
4. Статистически достаточный объем исследуемых мате-

дого языка. См.: В. Г. Гакар. О моделях языкового синтеза. «Иностранные языки в школе», 1969, № 4.

риалов, для которого требуется, чтобы сопоставляемые языки находились в относительно долгом культурно-историческом и переводческом контакте.¹⁵

Естественным исходным материалом служат тексты переводов в исследованиях, целью которых является лингвистический анализ процесса перевода и его результатов. Такие исследования рассматривают перевод как процесс прежде всего лингвистический и стремятся дать его описание методами языкознания.

«Лингвистическая наука открыла перед переводом ряд новых перспектив и снабдила его новыми методами, с помощью которых можно эффективно анализировать процедуры и оценивать результаты перевода».¹⁶

Остается дискуссионным вопрос о том, насколько исчерпывающим может быть лингвистическое описание переводческого процесса, даже если иметь в виду так называемую макролингвистику, охватывающую все аспекты речевой деятельности, а не только «langue» Ф. де Соссюра.¹⁷ Неоднократно отмечалось, в частности, что отдельные типы переводов (например, переводы произведений художественной литературы) должны рассматриваться как объекты литературоведческого анализа. Однако и при этом обычно признается существование лингвистической основы процесса

¹⁵ Ср. предложения К. Ричарда Бауша, которые, по мнению автора, могут «уменьшить или даже снять опасные слабости при проведении четкого лингвистического сравнения» в оперировании данными сопоставления оригинала и перевода. Необходимо а) последовательно использовать каждый из рассматриваемых языков попеременно, то в качестве исходного языка, то в качестве переводящего языка; именно количество примеров может при подобном **двустороннем** сравнении привести к некоторой нивелировке; б) применять, *back-translation method*, «...позволяющий констатировать случаи неточного перевода, в том числе случаи перевода с дополнительной интерпретацией» (*surtraduction* — сверхперевод); в) найти соответствие переводов тому..., «что мы предлагаем называть **сравнительной лингвистической нормой**... лингвистическая норма, с одной стороны, абсолютно тождественна внутренней дескриптивной норме переводящего языка, а с другой стороны, она является сравнительной, в том смысле, что обязана строго соблюдать принцип соответствия содержанию исходного текста, как в плане интеллектуальном, так и эмоциональном» (K. R. B a u s c h. *Qualité en traduction et linguistique dite «différentielle»*. «Babel», 1970, n° 1, p. 16—17.)

¹⁶ Ю. А. Н а й д а. Наука перевода. «Вопросы языкознания», 1970, № 4, с. 14.

¹⁷ См.: G. M o u n i n. *Les problèmes théoriques de la traduction*. P., 1963.

перевода и указывается, что без лингвистики не обойтись. Описание этой лингвистической основы перевода — несомненно задача языкознания (или той его части, которую можно назвать лингвистическим переводоведением).

Из каких же источников можно добыть фактический материал для такого описания, «переводческие факты»? Как известно, процесс создания текста на ПЯ, предназначенного служить переводом какого-то текста на ИЯ, мало доступен для наблюдения, так как он протекает в сознании переводчика без полного осмысления самим переводчиком механизма этого процесса. Фактически исследователь имеет дело лишь с результатом процесса перевода — текстом, который он может сопоставить с репрезентируемым текстом — оригиналом. Таким образом, перевод рассматривается как система преобразования заданного текста, действие которой изучается путем сравнения текстов на ее «входе» и «выходе». Обнаружив, например, в переводе книги Р. Брэбери предложение: «Мгновение спустя она испуганно выпрямилась в кресле, прерывисто дыша»,¹⁸ исследователь отыскивает в оригинале исходное предложение: “A moment later she sat up, startled, gasping”. Сопоставление английского и русского предложений позволяет сделать ряд предложений о характере преобразований, выполненных в процессе перевода. Можно отметить, что для каждого знаменательного слова в оригинале можно обнаружить в переводе одно или несколько слов, которые предназначаются для передачи значения именно этого слова, так что на вопрос «какими средствами передано значение такого-то английского слова» может быть дан вполне однозначный ответ. Соответствующие единицы оригинала и перевода располагаются параллельно, и лишь в одном месте переводчик счел необходимым изменить порядок слов перевода по сравнению с оригиналом. Можно анализировать характер выбора эквивалентов для отдельных слов оригинала (A moment — момент, миг, минута, мгновение, later — позже, позднее, спустя и т. п.), конкретизацию описываемого действия (gasping — прерывисто дыша) использование иных семантических категорий (sat up — выпрямилась в кресле) и т. д. С другой стороны, обнаружив, что переводчики романа Дж. Брэйна «Путь наверх» передали предложение I couldn't go wrong как «Я чувствовал

¹⁸ Р. Брэбери. Марсианские хроники. Пер. с англ. Л. Жданова. М., «Мир», 1965, с. 29.

необычайную уверенность в себе»,¹⁹ можно отметить отсутствие в данном случае соответствия между словами оригинала и перевода и указать, что здесь имеется попытка заменить описание ситуации оригинала в целом, а следовательно, и отношения оригинала и перевода носят иной характер, чем в предыдущем случае.

Накопление подобных переводческих фактов дает возможность выявить систему отношений между совокупностью оригиналов и переводов определенных языков. Это позволяет переходить к более широким обобщениям, а также пытаться выявить причины, обуславливающие ход и результат переводческого процесса. Разумеется, необходимо изучение большого числа переводов, чтобы отграничить закономерные проявления переводческих отношений между двумя языками от случайных ошибок или индивидуальных пристрастий переводчика.

Поскольку в конечном счете перевод представляет собой реализацию отношений, существующих между языковыми системами, можно попытаться использовать для изучения переводческого процесса данные сопоставительной грамматики или лексикологии, указывающие на параллельные явления в системах разных языков. Так, обнаружив в русском и английском языках однотипные факты, скажем, существование определительных придаточных предложений, можно предположить, что в большинстве случаев английское определительное придаточное трансформируется при переводе в такое же придаточное предложение русского языка. Однако подобное предположение будет нуждаться в дальнейшей проверке путем сопоставительного анализа переводов. Нередко оказывается, что отношения переводческой эквивалентности устанавливаются между явлениями, занимающими неодинаковое место в системах ИЯ и ПЯ. Например, английские придаточные условия, вводимые союзом *if* и русские придаточные с союзом *если* отнюдь не являются переводчески эквивалентными, что легко обнаруживается при изучении переводов. Вот несколько иллюстраций:

1. If the funeral had been yesterday, I could not recollect it better. (Ch. Dickens, *David Copperfield*)

¹⁹ Дж. Брэй н. Путь вверх. Жизнь наверху. Пер. с англ. Т. Кудрявцевой и Т. Озерской. М., ИЛ, 1964, с. 92.

Я помню эти похороны так, как будто они были вчера.

2. If the ideal laid down by the Committee... with regard to social advancement in the Non-Self-Governing Territories was to be attained, it was important to give leaders and peoples an active part to play ... (U. N. General Assembly, 16th Session, *Official Records*)

! Для того, чтобы можно было достичь высоких целей, выдвинутых Комитетом в отношении социального прогресса самоуправляющихся территорий, очень важно предоставить активную роль их народам и руководителям...

3. If in philosophic reach or aesthetic taste he was not advanced, if he knew more of horses than of poetry, was he any the worse? (J. Galsworthy, *To Let*)

Пусть он мало смыслит в философии и искусстве, что с того, что он в лошадях разбирается лучше, чем в поэзии, разве это делает его плохим?

4. What's the use of... fretting yourself? If I've said it once to Mother, I've said it a thousand times. (R. Aldington, *The Colonel's Daughter*)

Что толку ... напрасно беспокоиться? Я это тысячу раз говорила маме.

5. Well, this is a beautiful day, if there ever was one. (D. Parker, *Little Curtis*)

Да, день сегодня действительно великолепный.

6. "If that isn't exciting for words", cried Mrs Croft ... (A. Christie, *Peril at End House*).

«Ох, как это интересно!» — воскликнула миссис Крофт.

! Таким образом, сопоставительный анализ переводов является обязательным лингвистическим источником для переводческих исследований. Любые заключения о системе переводческих отношений между двумя языками могут сделаться лишь на основании данных такого анализа.

Большой интерес представляет использование данных, извлекаемых из сопоставительного анализа переводов, в рамках сравнительно-сопоставительных и типологических исследований для изучения изоморфизма ряда языковых

явлений, для подтверждения развития процессов языковой дифференциации и интеграции и других проблем.²⁰

Проиллюстрируем это несколькими примерами переводов с португальского языка на испанский фразеологических единиц типа «глагол + существительное без предлога», которые подтверждают на речевом, динамическом уровне результаты наблюдений над структурной интеграцией в области фразеологообразования в близкородственных иберо-романских языках.

Анализ примерно 5 тысяч примеров, выбранных из 7 тысяч страниц текстового материала 11 авторов, обнаружил высокую степень совпадения испанских и португальских ФЕ типа V + S без предлога. В трех категориях соответствий: а) фразеологические эквиваленты (полные, частичные, вариантные), б) фразеологические трансформы, в) фразеологические «интерференты», самым многочисленным оказался разряд фразеологических эквивалентов — 80%, а внутри него группа полных фразеологических эквивалентов около 70%. Например:

1. Agora, porém, a musica
que vinha de longe dava-lhe
desejos de chorar. (F. de
Castro, <i>Obra completa</i> , A
<i>lã e a neve</i>)	Ahora, sin embargo, la música
que venía de lejos le
daba deseos de llorar.
(F. de Castro, <i>La lana y la
nieve</i>).
2. Dei-lhe uma surra e êle
saiu correndo. (Carolina Maria
de Jesus, <i>Diario de
uma favelada</i>)	Le di una zurra y salió
corriendo. (C. M. de Jesus,
<i>La favela</i>)
3. Dava-lhe prova de verdadei-
ra amizade. (J. Amado,
Gabriela, cravo e canela)	Y daba pruebas de verdade-
ra amistad. (J. Amado, <i>Gab-
riela, clavel y canela</i>)

Нетрудно заметить, что переводы обнаруживают не только структурное и лексико-семантическое подобие, но и функ-

²⁰ О применении трансформационно-переводного метода для типологического описания семантики одного языка в сопоставлении с другими языками см.: А. Б. Долгопольский. Изучение лексики трансформационно-переводным методом. «Лексикографический сборник», № 5, 1962; е г о ж е. Категория вида в русском языке и вероятностный характер связи означаемого с означающим. «Проблемы структурной лингвистики», М., Изд-во АН СССР, 1963, с. 266—280.

ционально-стилистическое соответствие фразеологизмов. Подобная же картина наблюдается и в других структурных классах фразеологизмов, в частности, в сочетаниях служебного и знаменательного слова и в предикативных сочетаниях, где полные фразеологические эквиваленты являются наиболее многочисленной группой.

Сопоставление переводов как метод выявления структурной общности близкородственных языков широко применяется в сравнительно-сопоставительной грамматике романских языков (иберо-романская подгруппа).

В частности, сопоставление переводов с португальского на испанский позволяет установить строгую соотнесенность испанского перфекта и португальского претерита, выступающих как функциональные аналоги во всех исследованных параллельных текстах. Ср.:

порт. Nunca me viu? — perguntou Virgília.

исп. ¿Nunca se ha visto? — preguntó Virgilia.

порт. Aconteceu alguma coisa?

исп. ¿Ha pasado algo?²¹

Рамки настоящей статьи не позволяют остановиться на других возможных применениях данных, извлекаемых из сопоставления оригинала и перевода (переводов), но и сказанного, на наш взгляд, достаточно, чтобы утвердить правомерность использования этих данных в качестве объективного, лингвистического источника.

²¹ Н. А. К а т а г о щ и н а, Е. М. В о л ь ф. Указ. соч., с. 162.

II. ВОПРОСЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

С. М. Вайнштейн

(Москва)

ВОПРОСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЛОВА В ИСТОРИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

(На материале памятников испанского языка XVI века)

Слово в старинном тексте, любое, даже самое знакомое и обыденное, — всегда загадка.

Веками оно видоизменялось, подчас до полной утраты своего изначального смысла. Каким бы путем оно ни пришло в литературный язык — из диалекта ли как речение простонародное, из высокоученой ли книги, произведенное автором-эстетом и эрудитом от латинского этимона, — оно, это слово, сперва было, а потом переставало быть неологизмом, было и переставало быть просторечием или культизмом и становилось общеупотребительным и общенародным, входило в моду и выходило из моды, а то и вовсе вырождалось, функционально или территориально специализировалось, меняло экспрессивно-стилистическую окраску, приобретало новые значения, расщеплялось, разветвлялось, расслаивалось. Видоизменялись и его взаимоотношения с другими, в свою очередь видоизменявшимися словами, его сочетаемость и синтагматика, участие в парадигматических и синонимических рядах, его место и роль на каждом этапе развития лексико-семантической системы языка.

Истина эта, лингвистам известная, не стала еще достоянием всех переводчиков и редакторов, работающих в области исторического перевода. Старинные тексты, старинное слово, с обескураживающей наивностью переведенные, вернее искаженные посредством элементарного словаря современного языка, к сожалению, далеко не редкость.

Но проблема, конечно, не в этом, проблема в подлинной сложности функциональной, экспрессивно-стилистической, социально-культурной и ареально-диалектной дифференциации языка отдаленной исторической эпохи, в трудности установить конкретные исторические значения, соответствующие кратким временным периодам.

Рассмотрим некоторые методические аспекты этой проблемы в связи с обширной практикой истолкования и перевода испанских текстов XVI столетия (литература Возрождения, памятники конкисты¹), текстов, местами непроницаемых и, уж во всяком случае, не выдающих без борьбы свои смысловые и экспрессивно-стилистические секреты.

При переводе этих текстов исследование почти не может опереться ни на классическую лексикографию того времени, которая, как известно, сознательно преследовала цели пуристские и ориентировалась на отражение языка литературного (словари Антонио де Небрихи, Кристо́баля де лас Кáсаса, Оудина, Коваррубиаса и т. д.)², ни на новейшую фундаментальную лексикографию, которая жертвует подобной конкретностью в стремлении охватить все тысячелетнее развитие языка. Однако стоящие в известном смысле особняком в испанской лексикографической традиции XVI века испанско-американо-индейские словари Доминго де Санто Томáса (испанский и кечуа, Вальядолид, 1560 год)³ и Алонсо де Молины (испанский и науатль, Мехико, 1571 год)⁴ неожиданно оказываются способными сообщить многие ценные сведения. Неожиданно, ибо эти словари, снискавшие себе заслуженную славу в качестве первоисточников по древнему состоянию языков кечуа и науатль и по древним, доиспанским цивилизациям инков в Перу и ацтеков в Мексике, как источники по собственно испанскому языку, вниманием испанистов, по существу, были обойдены. Самый авторитетный и полный академический историко-этимологический словарь Х. Короминаса, например, упоминает их всего лишь несколько раз, а неологизмы, ими впервые приведенные (*cisterna*, *itericia*, *labio*, *negligente*, *semilla* и т. д. Санто Томас), документирует другими, более поздними словарями.

¹ См. нашу статью «Литература конкисты и перевод». «Тетради переводчика», № 11, М., 1974, с. 10—21.

² Кстати, в ней есть существенный пробел — с 1493 года (Небриха) по 1570-й (лас Касас).

³ Domingo de Santo Tomás: *Lexicon, o Vocabulario de la lengua general del Perv*, copuesto por el Maestro F. Domingo de S. Thomás de la orden de S. Domingo... Impresso en Valladolid... Año de 1560. Есть факсимильная перепечатка, выпущенная в Лиме в 1951 г.

⁴ Alonso de Molina: *Vocabulario en lengua castellana y mexicana*, compuesto por el muy Reuerendo Padre Fray Alonso de Molina... En Mexico. 1571. Имеется факсимильная перепечатка, выпущенная в Мадриде в 1944 г.

Словари Санто Томаса и Молины отличаются от других словарей той эпохи как составом и характером испанского вокабуляра, так и большей подробностью его толкования, ибо они, как представляется, были составлены в расчете на устное владение языком, в расчете на происходивших из социальных низов необразованных конкистадоров, миссионеров и колонистов, чья речь была насыщена диалектизмами и просторечием, а с другой стороны, на чуждые европейской цивилизации индейские массы. В частности, эти словари (особенно словарь Санто Томаса — своеобразная модель «языка рядового конкистадора») — изобилуют лексикой не только просторечно-разговорной (rapça *брюхо*, *пузо*, *culo зад*, *hacer cocos оскорбительно передразнивать*, *повелего врун*) и диалектно-областной (*esquilmar*, *gomitar*, *guarguero*), но и лексикой грубо-просторечной и даже непечатной.

Сравнительное исследование лексических репертуаров обеих частей каждого из названных словарей, установление эквивалентности через слова и предложения на кечуа и наuatль, сопоставление вокабуляров обоих словарей между собой, а также с вокабулярами классических словарей, учет очередности в синонимических рядах, изучение полисемии и способов толкования значений, применение, наконец, методов современного лексико-семантического анализа (парадигматика, синтагматика, сочетаемость и т. д.) позволяют выявить закономерности отбора лексики, характер ее взаимоотношений со словарным составом национального литературного испанского языка и, главное, сформулировать достоверные критерии для вычленения значений конкретных вокабул и их отнесения к тем или иным функциональным, стилистическим и прочим стратам языка.

Далее мы приведем некоторые факты и хотя бы в самом общем виде оценим их с помощью указанной методики.

Характерно, например, следующее толкование Санто Томаса, выявляющее неологизм *detece*, *hacer los dientes*, т. е. приблизительно *прорезываться*, *появляться* о зубах (кстати, Х. Короминас документирует это слово лишь 1624 годом).

Молина проводит весьма тонкое различие в толковании глагола *embeodarse* *напиваться до конца* (*beuer hasta el cabo*) и неологизма *emborracharse* *пить вино вообще или пить его умеренно* (*beuer vino o emborracharse templadamente*) и их производных. В этой, например, связи слово *borrachera*, которое всенепременно употребляют летописцы

конкисты при описании индейских обрядов, следует понимать как *пиршество*, «застолье» с вином (ни в академическом словаре, ни в других словарях этого значения нет), а не в смысле *попойка*, *оргия*, *возлияния*, как его до сих пор истолковывают и переводят, т.е., во-первых, по самой сути иначе («умеренно») и, во-вторых, без уничижительного оттенка.

Выражение *manzilla* ацтец *иметь сострадание*, многослойно переносное по происхождению, и Санто Томас, и Молина приводят без пояснений и явно предпочитают приравниваемым к нему общекультурным *caridad*, *miseri-cordia* ацтец, а с другой стороны, в классической лексикографии оно отсутствует (Х. Короминас датирует его ссылкой на Лопе де Вега). Из этого можно сделать вывод, что названное выражение: а) просторечное или разговорное; б) стилистически пониженное; нелитературное; в) общеупотребительное и г) широко распространенное в 50—70 годах XVI века (и прежде всего в американском ареале испанского языка).

Лексема же *poblazon* *испанское военное поселение* приводится только Молиной и с пояснением, в то время как ни у Санто Томаса, ни в других словарях не обнаруживается, из чего следует вывод (кстати, памятниками конкисты подтверждаемый) о ее а) неологичности, б) бытовании в пределах исключительно мексиканского ареала и в) употреблении примерно в 30—80-е годы XVI столетия (период существования подобных поселений). Кроме того, форма слова (словообразовательная структура, носовое окончание) свидетельствует о ее просторечности и диалектальности.

Употребительность *palo шест*, *палка* вместо и в значении слова *madeга древесина, дерево (как материал)* многократно устанавливается обоими словарями как через кечуа, так и через науатль, а также толкованиями типа “*Idolo labrado de madeга o palo labrado*”, между тем как в лексикографии «полуостровной» оно почти не просматривается. Это обстоятельство, в частности, объясняет широкое распространение в дальнейшем этого значения именно в американском ареале.

Сравнение у Санто Томаса испанского алфавитного вокабуляра с испанским переводным показывает более или менее устойчивую закономерность такого рода: при наличии функционально-стилистических вариантов в первом из них приводятся слова более низкие по стилю, просторечные, диалектальные (как бы более распространенные в среде конкистадоров), во втором — более высокие, литературные (*condemnar* — *condenar*, *escoplar* — *escoplear*, *gomitar* — *vomit* и т. д.). Сличение же между собой испанских вокабу-

ляров Санто Томаса и Молины позволяет отнести с большей степенью вероятия те или иные лексические явления к определенным временным периодам и ареалам, оценить их как неологизмы или архаизмы. Так, Санто Томас многократно приводит в своем словаре, изданном в 1560 году для Перу, неологизм *labio guba* от лат. *labium* (X. Короминас датирует его К. де лас Касасом, т. е. 1570 годом) и ни разу *labrio* — народн. этимол. от лат. *labrum* (>*labro* >*labrio*), в то время как Молина именно *labrio* употребляет в качестве основного слова (более десяти раз) и лишь однажды *labio*.

Содержащийся в словарях пласт терминирующей лексики — военной, административно-правовой, производственно-ремесленной, строительной, сельскохозяйственной, научной, медицинской, торгово-экономической, морской, специфических терминов конкисты и т. п. — много мощнее, нежели в других словарях эпохи. Термины, как правило, сопровождаются пояснениями: «*Fletar paue. Flete que paga el passagero*», т. е. *Зафрахтовывать (нанимать) корабль. Плата (фрахт), которую вносит пассажир (за проезд на корабле)*. Специфические же термины конкисты, которые в других словарях отсутствуют, раскрывают свое содержание, а также свою ханжескую и колонизаторскую сущность в толкованиях, будучи уподобленными другим, испанским же речениям через кечуа и науатль, в сочетаемости и синонимии: *pacificar coquizando* *умиротворять завоеывая*; *pacificar y allanar la tierra con guerra* *умиротворять и сравнивать с землей посредством оружия (повергать во прах, разорять, опустошать мечом и огнем)*. Насыщенность литературы конкисты, кстати, самой различной терминологией в совокупности с небывалым тематическим и функционально-стилистическим разнообразием лексического репертуара (включая заимствования из ряда индейских языков), которое мы обнаруживаем в языке литературы конкисты и в словарях Санто Томаса и Молины, позволяет нам предположить, не боясь впасть в большую ошибку, что новая ступень в формировании общеиспанского национального языка, предвещающая в определенной мере появление шедевров Золотого века испанской литературы, была достигнута именно в связи с заокеанской экспансией Испании в Новом Свете.

О возможностях анализа многозначности и сочетаемости можно судить по тому факту, что Молина, например, дает более тринадцати сочетаний-значений глагола *tratar*, более шестнадцати наименований игр, девять видов напитков из какао и т. д.

Разумеется, отнюдь не все загадки испанского слова XVI века способны разрешить названные словари. Скажем, чѐм посчитать для рассматриваемого периода — архаизмом, новообразованным латинизмом или просторечным (леонским диалектизмом) — несколько раз приводимое Санто Томасом слово *colupna* (от лат. *colupna*)? Ведь оно встречается еще у Гонсало Берсео и в «Книге об Аполонии», т. е. в середине XIII века, в написаниях *colupna*, *coluppa*, *colupna*, *colupna*; в словарях от Небрихи (1493 г.) до словаря Авторитетов (1726 г.), включая словарь Молины (1571 г.), оно дается исключительно в форме *colupa* (у Санто Томаса эта форма полностью отсутствует), а академический словарь современную форму *colupna*, т. е. ту, что приводит Санто Томас в 1560 году узаконивает лишь в 1843-ем.

Куда более сложным и обусловленным, чем это может показаться на основании рассмотренных примеров из словарей, предстает старинное слово в естественных условиях употребления, в нашем случае — в испанских текстах XVI столетия и, в частности, в памятниках литературы конкисты. В русле этой письменности, весьма четко в экстралингвистическом и жанрово-стилистическом отношении выстроившейся, в массиве контекстов, исследуемых совокупно, с л о в о, е г о з н а ч е н и е, просматривается в процессе формирования и изменения, как полисемантическая структура, как денотативно-коннотативный органический комплекс, как член, наконец, развивающейся исторической лексико-семантической системы языка и ее функциональных и территориальных подсистем. Рассматривать эти вопросы в данной статье нет возможности, да и необходимости: они на большом числе примеров подробно рассмотрены в нашей статье «Литература конкисты как объект лингвистического исследования»⁵. В этой связи, однако, один пример исторической многозначности, пример не самый показательный, но зато «проясняющий» слово, казалось бы, самое ясное и простое (а именно такие слова своей обманчивой очевидностью и вводят в заблуждение переводчиков) мы все же здесь приведем.

Так, слово *indios* обычно переводится на русский язык словом *индейцы* безотносительно к тому, что в годы открытия Америки Христофором Колумбом, который, как известно,

⁵ См. «Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореца», № 84, М., 1975 г.

ошибочно принимал ее за Индию, оно обозначало еще *житель Индии* (или, как тогда говорили, *Индий*), т. е. то, что мы по-русски сейчас называем *индиец* или реже *индус*. И лишь впоследствии, десятилетие спустя, когда ошибка обнаружилась и новооткрытые земли стали именоваться *Indias Occidentales*, т. е. буквально *Западными Индиями*, в отличие от *Indias Orientales*, т. е. *Восточных Индий*, собственно *Индии*, это слово в испанском языке переосмыслилось как *житель Западных Индий*, *обитатель Америки* и на какое-то время свое изначальное значение почти полностью утратило. А такие современные его значения, как *коренной житель, абориген американского континента и определенный расовый тип* вообще начали формироваться только к концу конкисты, в середине XVI века, оказавшись парадигматически противопоставленными таким понятиям, как *выходец из Европы, выходец из Африки, европеец, негр, метис, креол* и т. д.

В наше время слово *indio* в испанском языке и *индеец* в русском представляют собой многосложные денотативно-коннотативные семантические образования, отличные от прежних и не совпадающие в названных языках между собой. В древнерусском языке впервые мы встречаем эту лексему в словоформах *индов* и *индеане* уже в 1525 году (*«индов же наричют просто всех жителей незнаемых прежде стран»; «сущих тамо человекоядцев, их же канибалов индеане нарицати обыкоша»*)⁶. Однако, скажем, еще в 1836 году у А. С. Пушкина в его статье о северо-американских индейцах⁷, в которой последние упоминаются десятки раз, слово *индеец* не находим ни разу, но неизменно *индиец* или его субституты в таких, например, значениях: *«Эльк-Горн был подвержен нападениям индийцев.»*; *«Но Шатобриан и Купер оба представили нам индийцев с их поэтической стороны...»*, *«индийские племена, древние владельцы земли, ныне заселенной европейскими выходцами»*; *«Остатки древних обитателей Америки»*; *«Нравы Северо-Американских дикарей»* и т. д.

Диапазон значений, которые имело в хронологических пределах конкисты слово *indio*, *indios*, был весьма велик: *бесхитростные люди, безобидные создания, обитатели рая, дети природы и злодеи, людоеды, каннибалы, варвары; пышно разукрашенные люди и нагие люди; бесстыдные люди,*

⁶ См. указ. статью «Литература конкисты и перевод», с. 12—14.

⁷ А. С. Пушкин. Джон Теннер. Полное собр. соч. в 6 томах. Т. 5. М., 1947, с. 206—242.

дикари, свободные люди, свободолюбивые люди и язычники, нехристи; вассалы, крестьяне, рабы, носильщики, рабочие в копиях, крепостные, слуги, простой люд, быдло и т. д. и т. п. У Лопе де Веги и Аларкона мы встречаем это слово с широко распространенными в то время значениями *испанец, вернувшийся из Индии*, и *испанец, разбогатевший в Индиях* или просто *богач, крез*. Число значений можно значительно умножить за счет фразеологии и сочетаемости: *indio de guegga индеец-воин*, *indios vascos индейцы, подлежащие распределению между конкистадорами*, *los indios del país местные жители*, *los indios de la ciudad горожане*, *los indios de la isla островитяне* и т. д. Новые устойчивые значения образовывались сплошь да рядом в результате речевой конденсации: *amigos дружественные индейцы, туземцы-союзники* (семантическое стяжение способом устранения определяемого, от *indios amigos*), *boçales индейские рабы-новички* (от *indios boçales*) и т. д.

Таким образом, любое слово в старинном тексте, даже самое знакомое и обыденное, достойно пристального внимания, и раскрыть свои тайны оно может лишь став объектом всестороннего и многопланового исследования.

С. Ф. Гончаренко
(Москва)

О МОДЕЛИРОВАНИИ ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА ПОЭТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ

Поэтический образ представляет собой один из важнейших компонентов идейно-художественной системы стихотворения. Следовательно, адекватное воспроизведение образного строя источника входит в число центральных задач переводчика поэзии.

Достижение «оптимального продукта» прагматической, семантической и стилистической адекватности¹ при поэтическом переводе, как правило, невозможно без весьма радикальной перестройки многих аспектов оригинала, одним из которых является и образная система.

¹ Очевидно, именно при таком условии можно говорить об «общей» адекватности перевода. См. статью А. Д. Швейцера «Семантические и прагматические аспекты перевода» в журн. «Иностранные языки в школе», 1971, № 3, с. 16.

Сличение стихотворных переводов с подлинниками дает представление о глубине и разнообразии трансформаций, которые претерпевают оригинальные образы. Выяснение причин этих изменений, степень их неизбежности и допустимые их масштабы — все это входит в компетенцию теории художественного перевода. Лингвистические методы исследования, разумеется, не могут дать исчерпывающего ответа на все перечисленные (и смежные с ними) вопросы, однако позволяют получить интересные результаты, без которых трудно составить общую картину поэтической интерпретации.

Известно, что «одной из важных задач лингвистического переводоведения является разработка теоретических моделей, которые должны давать наиболее общее описание процесса перевода»². Лингвистами предложено несколько таких моделей: денотативная, семантическая, трансформационная и модель уровней эквивалентностей³. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы показать, как одна из этих схем — а именно трансформационная — может быть использована для моделирования перевода поэтических образов.

Прежде всего необходимо ввести рабочие определения некоторых исходных понятий.

Троп — это слово или сочетание слов, фактическое смысловое содержание которого не совпадает с буквальным. **Компаративная логическая конструкция (КЛК)** — это такая логическая конструкция, в которой одно понятие (компарат, условный символ — 0) уподобляется другому (компаратанту В) на основании того, что им обоим присущ общий признак (связка а). Любая словесная репрезентация КЛК будет именоваться **компаративной вербальной конструкцией (КВК)**. Троп, удовлетворяющий определению КВК, является **компаративным тропом (КТ)**. Компаративная логическая конструкция выступает в качестве основного смыслового содержания КТ, в котором она репрезентирована. Два любых КТ, репрезентирующих одинаковую КЛК, суть **тропеические синонимы**.

Так, синонимичны следующие компаративные тропы, репрезентирующие КЛК *ландыш белый, как снег*: ландыш

² Э. Н. Комиссаров. Лингвистические модели процесса перевода. «Тетради переводчика», № 9, М., 1972, с. 3.

³ Описание этих моделей см., напр., в указ. работе В. Н. Комиссарова, а также в книгах: В. Н. Комиссаров. Слово о переводе. М., «Междунар. отношения», 1973; А. Д. Швейцер. Перевод и лингвистика. М., «Воениздат», 1973.

белеет снегом; ландыш белее снега; снег ландыша; бело-снежный ландыш; ландышевый снег; снег, как ландыш; это не снег, а ландыш; снег (вместо ландыш) и т. д. Точно так же синонимичны следующие испанские КТ: *la frente más blanca que la azucena*, *la frente de azucena*, *la azucena de la frente*, *la frente desprecia a la azucena*, в которых репрезентирована КЛК *la frente blanca como la azucena*.

Класс тропеических синонимов можно рассматривать в качестве набора особых тропеических трансформов, среди которых выделяется наипростейший, удовлетворяющий формуле **О + а + сравнительный союз + В**, например: *ландыш белый, как снег*, или *la frente blanca como la azucena*. Подобные тропы условимся считать **ядерными сравнениями**. Ядерное сравнение может иметь и усеченную форму: **О + сравнительный союз + В**, например: *ландыш, как снег*.

Характерной особенностью ядерных сравнений (ЯС) является не только то, что они представляют собой самую элементарную, с грамматической точки зрения, конструкцию, способную оформить поэтический образ, но и тот факт, что в абсолютном большинстве случаев ЯС поддаются пословному переводу на другой язык⁴.

Назовем всякий компаративный троп, входящий в текст оригинала, **терминальной тропеической конструкцией оригинала** (условным знаком этой конструкции будет $T_{\text{и}}$), а всякий компаративный троп, являющийся сегментом окончательного текста перевода, — **терминальной тропеической конструкцией перевода** (символом такой конструкции будет $T_{\text{п}}$). Кроме того, условимся считать любое ядерное сравнение, к которому сводится некоторый $T_{\text{и}}$ и $T_{\text{п}}$, соответственно **ядерной тропеической конструкцией оригинала** ($ЯС_{\text{и}}$) или **перевода** ($ЯС_{\text{п}}$). Разумеется, может иметь место случай, когда $T_{\text{и}} = ЯС_{\text{и}}$ или $T_{\text{п}} = ЯС_{\text{п}}$, т. е. когда терминальными структурами являются сами ядерные сравнения.

В соответствии с тем, как это делается в трансформационной модели общего перевода, операции, производимые при переводе КТ, можно условно разделить на три основные группы: на этап трансформаций внутри исходного языка (ИЯ) — анализ; собственно перевод и этап трансформаций внутри переводящего языка (ПЯ) — синтез.

⁴ С этих позиций выявляются ядерные конструкции в трансформационной модели перевода. См., напр.: В. Ю. Розенцвейг. Перевод и трансформация. «Трансформационный метод в структурной лингвистике». М., «Наука», 1964, с. 89—90.

Рассмотрим подробнее каждый из этих этапов.

1. Анализ

В первом этапе перевода можно выделить следующие фазы.

А. Распознавание компаративного тропа в безобразном (автологическом) окружении. Эта процедура, как правило, предполагает испытание «подозреваемого» выражения на осмысленность в буквальном понимании (при этом отрицательный результат говорит в пользу образного характера конструкции). Так, встретив в тексте «Романса об испанской жандармерии» Ф. Гарсиа Лорки выражение *estallan rosas de pólvora*, логично предположить, что мы имеем дело с металогической (образной) конструкцией: и потому что буквальный перевод этого выражения невразумителен (*взрываются розы пороха*), и потому, что «ситуативный» контекст (описывается ночная погоня жандармов за цыганами) и контекст лингвистический (декодированные, ключевые слова *estallan, pólvora*) наталкивают на мысль о том, что речь идет о выстрелах.

Далее. О метафорическом употреблении оборота может сигнализировать и его семантико-грамматическая структура. В частности, в испанской поэтике распространены компаративные тропы со структурой **компаратив + признак компарата в форме существительного + признак компарата в форме существительного с предлогом de**: *rosas de pólvora*. Правда, в данном случае эта схема осложнена включением добавочного компонента — второго признака компарата в форме глагола: *estallan*. Однако и такая разновидность организации тропа вполне нормативна. Следовательно, установление факта, что анализируемая конструкция представляет собой КТ, связано и с рассмотрением грамматического оформления этой конструкции, что, естественно, предполагает знакомство переводчика со всем арсеналом синтаксических моделей иноязычной тропики.

Б. Выяснив, что привлечший его внимание оборот является компаративным тропом, переводчик должен определить его смысловое содержание, а именно установить **что чему** и на основании **чего** уподобляется в данном образе. Выявление смыслового содержания КТ фактически представляет собой трансформацию некоторой терминальной тропеической конструкции оригинала в ядерную тропеическую конструкцию ($T_n \rightarrow ЯС_n$). Например: *снег ландыша* → *ландыш белый, как снег*; *la azucena de la frente* → *la frente blanca como la azucena*. В нашем случае трансформация

будет иметь такой вид: *estallan rosas de pólvora* → *los fogonazos (en la oscuridad de la noche) son rojos como las rosas*.

В. Наконец, на первом этапе перевода, как правило, оцениваются столь важные стилистические характеристики исходного тропа, как степень его инновативности и достоверности, то есть определяется «эвристический потенциал» КТ⁵.

2. Собственно перевод

В этом этапе перевода можно выделить две основные фазы: (1) перевод исходной ядерной конструкции на ПЯ и (2) определение эвристического потенциала ядерной конструкции переводящего языка, полученной в результате этой процедуры.

А. Итак, первая фаза состоит в переключении на уровне ядерных сравнений с исходного языка на переводящий; иными словами, имеет место трансформация ЯС_и → ЯС_п.

Как правило, этот процесс осуществляется методом «непосредственного» пословного перевода каждого из компонентов ЯС_и. Подобный прием обеспечивает инвариантность семантического содержания ядерной конструкции оригинала. Требования же стилистической и прагматической адекватности пока что «выключены» из процесса.

Так, например, в нашем случае ЯС_и *los fogonazos (en la oscuridad de la noche) son rojos como las rosas* трансформируется в ЯС_п *выстрелы (в ночной темноте) красны, как розы*.

Б. Вторая фаза предполагает определение эвристического потенциала ЯС_п в рамках поэтики переводящего языка. Иное множество тропеических прецедентов, иная тропеическая традиция и другой критерий «достаточности» образного подобия в поэтике переводящего языка ведут к тому, что потенциал сравнения ЯС_п, семантически эквивалентного тропу ЯС_и, может оказаться не только равным потенциалу ЯС_и, но и меньшим или большим по отношению к нему или вообще равняться нулю.

3. Синтез.

Третий этап перевода компаративного тропа сводится к разворачиванию ядерного сравнения ЯС_п в терминальный переводной образ Т_п. Это самый ответственный, сложный и

⁵ Подробнее об этом см. в нашей статье «К вопросу о поэтическом переводе». «Тетради переводчика», № 9, М., 1972, с. 83—84.

творческий участок процесса, труднее всего поддающийся моделированию. Однако здесь также можно выявить ряд последовательных фаз.

А. Первая фаза — сопоставление «эвристических потенциалов» ЯС_и и ЯС_п, а в случае необходимости — соответствующая трансформация переводного тропа с целью получения образа, равноценного исходному в отношении инновативности и достоверности.

Б. Вторая фаза, суть которой состоит в замене полученного ядерного сравнения другим, синонимичным тропом, являющимся структурно-функциональным аналогом исходного образа. Так, ЯС_п *выстрелы красны, как розы*, очевидно, может быть трансформировано в КТ *взрываются пороховые розы*.

В. Третья, окончательная фаза последнего этапа перевода ставит своей задачей получение терминального образа Т_п. Эта фаза состоит из нескольких взаимосвязанных процедур, на практике развивающихся одновременно или одна за другой, причем их последовательность не может быть определена заранее для всех случаев. В качестве примера предлагается следующая последовательность стилистическо-прагматических поправок, составляющих существо данной фазы.

(1). Стилистическая поправка, направленная на приведение лексико-синтаксических характеристик тропа в соответствие с подобными релевантными характеристиками оригинала. В частности, переводчика может не удовлетворить форма *взрываются...розы*. Вполне вероятно, что он заменит *взрываются* на *вспыхивают*, и тогда мы получим образ *вспыхивают пороховые розы* (обозначим его символом Т).

(2). Преобразование Т в некоторый образ Т₁, способствующий выполнению принципа эквиритмичности. Действительно, ведь переводной троп, будучи сегментом поэтического текста, должен вписываться в стихотворный текст, не вызывая нарушения ритмики перевода.

Не требует особых доказательств положение о том, что соблюдение принципа эквиритмичности часто предопределяет самые глубокие трансформации — вплоть до возврата к уровню ядерных структур и синтеза нового ядерного сравнения, что, естественно, обуславливает снижение семантической адекватности переводного тропа исходному.

При этом, как и в остальных типах трансформаций третьего этапа, очевидно, следует сначала попытаться приспособить к требованиям прагматическо-стилистической адекват-

ности некоторый троп, наименее удаленный по своим семантическим характеристикам и характеристикам структурным от T_1 , и если он не удовлетворяет таким требованиям, то заменить его образом с несколько более модифицированной смысловой структурой и так до тех пор, пока не будет найдено оптимальное решение. Иными словами, если два некоторых тропа — T_x и T_y одинаково соответствуют требованиям прагматическо-стилистической адекватности, то предпочтителен тот из них, который ближе по смыслу и структуре (смысловой и вербальной) к T_n . При этом, разумеется, смысловое подобие учитывается в первую очередь, а структурное — во вторую. В нашем случае оригинал написан испанским романсовым восьмисложным стихом, эквивалентами которого в русском стихосложении могут быть несколько размеров⁶, причем самым распространенным приемом является перевод испанского романса русским четырехстопным хореем или троекратным паузным трехдольником.

Предположим, что по замыслу переводчика T_n должен, как и T_4 , охватывать собою две стихотворные строки. Тогда вполне возможно, что при установке на трехдольник образ *вспыхивают пороховые розы* будет трансформирован в такую метафору:

Вспыхивают во мраке
пороховые розы.

Если же переводчик предпочел переводить данное стихотворение четырехстопным хореем, то конструкция *вспыхивают пороховые розы* будет трансформирована в подобный троп:

И казалось, каждый выстрел
расцветает алой розой.

(3) Если речь идет о переводе рифмованного стиха, и троп включает в себя клаузулу-рифму, то во имя соблюдения принципа эквиритмии может оказаться необходимой трансформация T_1 в некоторый образ T_2 , способствующий оснащению перевода системой рифм, адекватной системе рифмовки оригинала. Подобная трансформация также часто обуславливает значительное снижение семантической адекватности T_n относительно T_n .

⁶ См. по этому поводу дискуссию в журн. «Латинская Америка», 1972, № 6, с. 156—165,

В нашем случае оригинал использует прием конечного ассонансового монорима в четных строках. В русской поэтике существует несколько способов рифмовки, функционально подобных испанскому ассонансовому монориму⁷. Предположим, что переводчик выбрал среди них точную парную женскую рифму в четных строках. Предположим, также, что первая строка нашего образа-двустихия является нечетной и что характер созвучия запрограммирован предшествующей клаузулой «lé» (например, *земле*).

Тогда вполне вероятно, что троп *вспыхивают во мраке пороховые розы* будет трансформирован в такой образ:

Розы пороховые
вспыхивают во мгле

Здесь, как видим, модификация свелась лишь к изменению порядка слов и замене введенного ранее обстоятельства (*во мраке*) на его синоним (*во мгле*).

(4) Как известно, абсолютное большинство компаративных тропов обладает определенной модальной окрашенностью, которая, естественно, должна быть адекватно передана в переводе. Поэтому после всех предыдущих трансформаций надо произвести проверку «модального соответствия» T_2 относительно T_n и в случае необходимости осуществить соответствующую коррекцию, трансформировав T_2 в некоторый образ T_3 .

Так, может показаться, что трагедийная окрашенность картины, рисуемой тропом, несовместима с компарантом *розы*. Действительно, *роза* в русской поэтике часто символизирует утонченное совершенство и хрупкость. Поэтому если переводчик сочтет, что компарант противоречит драматизму передаваемой ситуации, то троп может быть подвергнут более или менее глубокой модификации. Так, поскольку в русской поэзии *кровь* нередко ассоциируется с *маком* (см., например: «Обелиски, обелиски/батальонам и дивизиям.../Маков брызги — крови брызги/тех, что пулями пронизаны»)⁸, то вполне возможно, что T_3 примет такой вид: *Маки пороховые вспыхивают во мгле*. Это тем более вероятно, что *мак* как символ *крови* широко употребляется в поэзии самого

⁷ Подробно см. по этому поводу в упомянутой дискуссии на страницах журн. «Латинская Америка», 1972, № 6.

⁸ Л. Татаренко. Синее дерево. М., «Молодая гвардия», 1963, с. 14.

Лорки и эта традиция отражена и в русских переводах: «семь ран багряных, семь диких маков махровых» (1, 106)⁹, «семь струек крови, семь маков махрово-алых» (2, 264) и т. д.

Впрочем, решение о необходимости замены компаранта в данном случае отнюдь не бесспорно. Как контраргументы могут быть выдвинуты следующие соображения. Во-первых, в творчестве Лорки да и вообще в испанской поэзии *роза* постоянно ассоциируется с *кровью*, причем эта ассоциация давно отражена в русских переводах и стала привычной для русских любителей испаноязычной поэзии. Достаточно сравнить такие варианты: «Все кровью пропахло, парень/ и кровью твоей сочится/, а грудь твоя в темных розах/ и смертной полна истомой» (3, 73), или «на белой груди твоей/ три сотни розанов черных /Сочится и пахнет кровь,/ кушак твой весь в красной пене» (1, 79), или «Верлен был розою кровавой» (2, 353), или «кровавую розу и белую лилию» (2, 75) и т. д.

Поэтому, очевидно, реакция русских читателей Лорки на ассоциацию *розы* с *кровью* в настоящее время значительно приблизилась к реакции читателей испанских. Иными словами, в данном случае достижение прагматической адекватности не требует безусловного нарушения адекватности семантической, во всяком случае, необходимость в таком нарушении проблематична.

(5). Следующую процедуру можно охарактеризовать как проверку эквивалентности переводного тропа оригинальному по неучтенным ранее релевантным стилистическим характеристикам подлинника, как-то: аллитерация, перенос (enjambement), анафора и т. д.

При этом надо иметь в виду следующее: во-первых, в большинстве случаев адекватность этого рода является факультативной, а во-вторых, даже когда бывает признано, что вышеуказанные характеристики оригинала должны быть воспроизведены в переводе, то это их воспроизведение ведется, как правило, методом суперсегментной эквивалентности; т. е. даже если, например, некий

⁹ Первая цифра в скобках обозначает издание книг Ф. Гарсиа Лорки: 1 — «Лирика», М., «Художественная литература», 1965; 2 — «Избранная лирика», М., Гослитиздат. 1960; 3 — «Лирика», М., «Художественная литература». 1969 Вторая цифра указывает страницу, с которой берется пример.

исходный образ и реализует прием аллитераций, то это не значит, что соответствующий ему переводной троп должен быть аллитерирован; достаточно, если аллитерация будет воспроизведена в любом другом сегменте текста перевода. В нашем случае неброская аллитерация звуков *а* и *г* (en un AiRe donde estAllAn RosAs de pólvora negra) компенсируется произвольной аллитерацией звуков *р* и *в*: Розы поРохоВые ВспыхиВают Во мгле.

(6) Следующая процедура может быть обусловлена стилистическими соображениями в связи с учетом вербального окружения переводного тропа. Так, например, А. Гелескул в 1965 г. опубликовал перевод «Романса об испанской жандармерии», где анализируемый нами образ имел такой вид: «И черный порошок во мраке кострами роз расцветает». Однако восемью строчками выше в переводном тексте имелся другой образ: «И снова скачут жандармы, кострами ночь засевая...».

Очевидно, желание устранить лексический повтор вынудило переводчика поступить выразительностью первого варианта и уже в его переводе этого стихотворения, опубликованном в 1969 году, рассмотренный нами троп звучит как «и розы пороховые на улицах расцветают».

Поскольку перечисленные этапы перевода обеспечивают, в основном, триединую (прагматическую, стилистическую и семантическую) адекватность переводного тропа исходному образу¹⁰, то представляется возможным считать троп, полученный на выходе из третьей фазы последнего этапа, терминальной тропеической конструкцией перевода (T_n). Терминальным тропом, разумеется, может оказаться любой из образов, начиная от $ЯC_n$, однако даже когда $ЯC_n = T_n$, все же, чтобы гарантировать себя от ошибки, бывает целесообразно предпринять весь комплекс приемов третьего этапа — просто в таком случае эти приемы будут носить характер проверок, а не трансформаций.

Изложенная модель описывает основные процедуры, из которых предположительно складывается процесс перевода значительной части компаративных тропов и одновременно предсказывает возможность самых разнообразных расхождений между структурой исходного тропа и структурой пе-

¹⁰ При этом сама последовательность операций предопределяет соблюдение примата прагматическо-стилистической адекватности, что является аксиомой для советской школы поэтического перевода.

реводного КТ, а также вероятность различных трансформаций смыслового содержания исходного образа. Кроме того, она демонстрирует те моменты процесса перевода, когда эти расхождения могут возникнуть, и частично объясняет их причины.

В то же время следует подчеркнуть, что данная схема процесса воссоздания испанских компаративных тропов на русском языке ни в коей мере не претендует на всеобщий характер и не является формализованной программой поэтической интерпретации. Она призвана лишь описать в терминах лингвистического переводоведения некоторые сложные и специфические аспекты в работе переводчика поэзии и способствовать научному обоснованию принципов советской школы стихотворного перевода.

III. ВОПРОСЫ ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА

Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман
(Москва)

ЧЕМ ВЫЗЫВАЮТСЯ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ?

В процессе перевода постоянно приходится прибегать к грамматическим и лексическим трансформациям. Грамматические трансформации обусловлены различием в структурах двух языков — языка оригинала и языка перевода. В их лексических системах тоже наблюдаются несовпадения, ибо, по образному выражению Сэпира, каждый язык имеет свой «своеобразный крой». Это своеобразие лексико-семантического аспекта каждого языка прежде всего проявляется в типе смысловой структуры слов. Любое слово, т. е. лексическая единица, не является чем-то обособленным, но частью лексической системы языка, ее составным элементом. Этим объясняется своеобразие семантической структуры слов в разных языках. Кроме того, соответствующие семантические единицы в разных языках могут иметь различную значимость (*valeur*), т. е. занимать различное положение в системе языка. Слово может быть более употребительным в одном языке, а в другом иметь более узкое или даже терминологическое значение, как например, так называемые интернациональные слова в английском и русском языках.

Каждое слово осуществляет понятие о предмете им обозначаемом. В семантике слова отражаются различные признаки предмета, его свойства и связи его значения с обозначаемыми объектами. В семантике слова отражено видение мира, свойственное данному языку, вернее, носителю данного языка. При познании действительности могут быть выделены различные признаки одного и того же объекта — денотата, что находит свое отражение в семантической структуре соответствующего слова. Ср. например, *glasses* и *очки*. В английском слове выделяется материал, из которо-

го сделан предмет, в русском его функция: вторые глаза (очи).

Но несмотря на выделение различных признаков, оба языка в равной степени адекватно отражают одно и то же явление действительности. Здесь можно привести слова Г. В. Колшанского: «Пресловутое сравнение обозначений цветов спектра в различных языках больше всего свидетельствует не о субъективности 'членения действительности', а об адекватном отражении в лексической системе объективно существующего спектра».¹ Поэтому сложной задачей для переводчика является передача стилистических приемов, основанных на игре слов, если в соответствующих словах обоих языков выделены различные признаки.

Другой причиной, вызывающей лексические трансформации, является разница в смысловом объеме слова. В каждом языке слово живет своей жизнью, тесно связанной со своеобразием лексико-семантической системы данного языка. Оно может иметь различные виды лексических значений (лексико-семантических вариантов), оно может расширять или сужать свое значение, делать его более конкретным или абстрактным.

Третьей причиной, вызывающей необходимость в лексических трансформациях, является различие в сочетаемости. Слова находятся в определенных для данного языка связях. Важно отметить, что сочетаемость слов имеет место в случае совместимости обозначаемых ими понятий. Эта совместимость в разных языках, очевидно, бывает разная — то, что возможно в одном языке, является неприемлемым в другом.

Не меньшее значение имеет и привычное для каждого языка употребление слова (usage). Здесь не будут рассматриваться причины этого явления. Оно, конечно, связано с историей развития данного языка, формированием и развитием его лексической системы. В каждом языке вырабатываются своеобразные клише, как бы готовые формулы, слова и сочетания слов, используемые говорящими на данном языке. Последние не являются фразеологическими единицами, но обладают полной завершенностью, и, в отличие от фразеологических сращений и устойчивых сочетаний, никогда не нарушаются введением дополнительных слов или подстановкой одного из компонентов.

¹ Г. В. Колшанский. Логика и структура языка. М., «Высшая школа», 1965, с. 48.

Рассмотрим теперь подробнее каждую из перечисленных выше четырех причин, вызывающих лексические трансформации.

Как уже говорилось, в значении слова в разных языках часто выделяются разные признаки одного и того же явления или понятия, что неизбежно создает трудности при переводе. Например:

Hot milk with skin on it. (P. H. Johnson)
Горячее молоко с пенкой.

Данное явление действительности ассоциируется в английском языке с кожей, кожицей, покрывающей тело или плод, тогда как в русском языке в основу значения слова положен результат кипения — пенка появляется, когда молоко кипит и пенится.

Английскому слову *herring-bone (work)* в русском языке соответствуют сочетания *в елку, в елочку* (кладка кирпича, шов, узор). В русском языке ассоциация с деревом — елью, в английском — с хребтом селедки. Образ в русском языке связан с обилием лесов, в английском — с близостью моря.

Данный языковой факт наблюдается не только в словах с прозрачной смысловой структурой. Этимологически его можно проследить в очень многих словах.

Например, *гостиная* — комната для гостей, *drawing-room (withdrawing room)* — комната, куда дамы удалялись из столовой; *parlour* — комната, где можно поговорить с гостями; *sitting-room* — комната, где можно посидеть. Слово-сочетания *instant coffee* и *растворимый кофе* тоже отражают различные стороны одного и того же явления: в английском языке — быстрота, мгновенность приготовления, а в русском — отличительное свойство этого кофе — его растворимость. В русском языке оканчивающих школу называют *выпускниками* — их школа выпускает в жизнь; в английском слове *school-leavers* выделяется тот факт, что учащиеся покидают школу. Соответственно не совпадают и производные от таких слов словосочетания. Так, существующее в английском языке выражение *to raise the school-leaving age* имеет в русском языке совсем другое соответствие — *продлить срок обязательного обучения в школе*.

Признак, положенный в основу значения слова, не должен доминировать в сознании переводчика. Оторвавшись от

него, он должен найти соответственное русское слово. А переводчики часто попадают под гипноз текста:

He lives next door.

Он живет в соседнем (а не в следующем) доме.

A snowdrift ten inches deep.

Сугроб высотой (а не глубиной) в полметра.

Бывают случаи, когда благодаря выделенному признаку слово приобретает более широкий семантический объем и не покрывается соответствующим словом другого языка, например, слово *teenager*. Этимологически оно связано с числительными от *thirteen* до *nineteen* (ср. *in one's teens*). Русское слово *подросток* — *подростающий* — семантически его не покрывает, ибо оно уже по своему значению. Поэтому слово *teenager* приходится переводить разными словами, уточняя возрастную группу — *подросток*, *юноша*, а во множественном числе *молодежь*.

* * *

Различия в смысловой структуре слова являются одной из основных причин, вызывающих лексические трансформации. Эти различия связаны с характерными особенностями отдельных слов или групп слов. Естественно, что данный раздел охватывает целый ряд явлений. По существу, даже идентичные по значению слова разных языков не являются абсолютно равнозначными, никогда полностью не совпадают. Чаще всего совпадает первый лексико-семантический вариант таких слов, их основное значение, а далее идут различные лексико-семантические варианты, ибо развитие значений этих слов шло разными путями. Это обуславливается различным функционированием слова в языке, различием в употреблении, различной сочетаемостью, но даже основное значение английского слова может быть шире соответственного русского слова (конечно, не исключены и обратные случаи). Это явление находит свое отражение в словарях. Например, английскому слову *gloomy* в обоих его значениях соответствуют по два русских слова: 1. темный, мрачный; 2. мрачный, унылый. Поэтому переводчику приходится делать выбор. При анализе семантической структуры прилагательного *mellow* сразу бросается в глаза, что оно является многозначным словом и может определять очень широкий круг предметов и понятий: плоды, вино, почву, голос, человека. Каждая сфера его употребления со-

ответствует отдельному значению. Но каждому значению, в свою очередь, соответствует по два или более русских слова. Англо-русский словарь иногда дает их просто через запятые. Это говорит о том, что каждый лексико-семантический вариант не покрывается одним русским словом, так как в нем присутствуют две или более семы, которые требуют передачи двумя или более русскими словами.

Так, первое значение *mellow* — спелый, мягкий, сладкий, сочный (*о фруктах*); второе значение — 1. выдержанный, старый; 2. приятный на вкус (*о вине*); третье значение — подоревший, смягчившийся с возрастом (*о человеке*); четвертое значение — мягкий, сочный, густой (*о голосе и красках*), пятое значение — 1. рыхлый; 2. плодородный, жирный (*о почве*); шестое значение, разговорное — веселый, подвыпивший (*о человеке*).

Почти во всех случаях слову *mellow* соответствуют в русском языке разные слова, в зависимости от того существительного, которое оно определяет. Но это также говорит об очень широком семантическом объеме каждого лексико-семантического варианта слова.

Семантическая структура слова *colour* близка к семантической структуре русского слова *цвет*, хотя во втором его значении *румянец* в русском языке требуется уточняющее слово *цвет лица*. Однако в употреблении слова *colour* в этом значении наблюдается расхождение с русским сочетанием *цвет лица*. Например:

She felt the colour rising in her cheeks. (H. Robbins)

Она почувствовала, что краснеет (что у нее кровь прилила к лицу).

По-разному шло развитие лексико-семантических вариантов слов *brittle* и *хрупкий*. Английское прилагательное *brittle* стало развивать дополнительные значения, помимо основного (*хрупкий, ломкий*), что видно на примерах, взятых из произведений современных английских и американских писателей. Оно стало широко употребляться в сочетании с существительными, которыми пользуются при описании человека — его внешности, голоса, манер. Например: *brittle manner, brittle temper, brittle tone* (Сноу, Купер, Джозефин Тей и др.) Для перевода этих значений слова *brittle* приходится прибегать к соответствующим лексическим заменам: *раздражительная (нервная) манера; раздражительный (нервный) характер, тон*. Очень интересно и контекстуальное употребление слова *brittle* в романе Маргарет Митчел «Уне-

сенные ветром»: brittle smile, the white brittle mask (of her face). Сочетанию brittle smile очевидно будет соответствовать сочетание: *натянутая (искусственная, деланная) улыбка*. Для второго примера: the white brittle mask was back again возможен следующий перевод:

Ее бледное лицо с деланной улыбкой снова стало похожим на маску.

Особенно любопытен и особенно труден для перевода третий пример:

Kathleen was as white as Cade had been the day Scarlett called, white and hard and brittle, as if her face would shatter if she spoke.

Глагол to shatter в придаточном предложении как бы возвращает основное значение слова brittle и показывает пути его семантического развития. Перевод этого предложения, очевидно, возможен только при помощи различных трансформаций — как лексических, так и грамматических:

Кэтлин была бледна как Кэйд в тот день, когда Скарлет заехала к ним. На ее бледном лице было застывшее, жестокое выражение. Казалось, что эта маска спадет с нее как только она заговорит.

Однако русскому слову *хрупкий* в сочетании *хрупкое здоровье* соответствует не слово brittle, а delicate— delicate health.

Пути развития переносного значения идентичных слов тоже сильно расходятся. Например, английское слово bug и русское слово *клоп* совпадают по своему основному значению — оба слова обозначают весьма неприятное насекомое. Одинаков не только объем значения, но одинаковы и оценочные ассоциации. Однако развитие переносного значения шло разными путями и приобрело противоположные эмоциональные коннотации в обоих языках. В русском языке — положительные, ласкательные: *клоп, малыш*; в английском — явно отрицательные: a big bug (с уточняющим определением; *важная шишка*). Образованный путем конверсии глагол to bug и производное от него отглагольное существительное bug-ging имеют еще более отрицательные ассоциации (to bug — *подслушивать по телефону*, bugging — *подслушивание*).

Семантическая структура слова предопределяет возможность его контекстуального употребления, и перевод кон-

текстуального значения слова представляет собой нелегкую проблему.

Контекстуальное значение слова во многом зависит от характера семантического контекста, от семантики сочетающихся с ним слов. Оказиональное значение слова, неожиданно возникающее в контексте, не является произвольным — оно потенциально заложено в семантической структуре данного слова. В контекстуальном употреблении слова в поэзии или художественной прозе часто проявляется проникновение автора в самую глубь его семантической структуры. Ведь слову свойственны как парадигматические, так и семантические связи, и лексические потенции слова могут быть раскрыты в обоих случаях. Но выявление этих потенциальных значений тесно связано со своеобразием лексико-семантического аспекта каждого языка, отсюда и вытекает трудность передачи контекстуального значения слов в переводе: что возможно в одном языке, невозможно в другом.

In an atomic war women and children will be the first hostages.

Слово *hostage*, согласно словарям, имеет только одно значение — *заложник*. Однако в данном семантическом окружении оно приобретает значение *жертва*. Это контекстуальное значение очевидно присутствует в его парадигматическом значении: 'каждый заложник может стать жертвой и погибнуть'.

Первыми жертвами в атомной войне будут женщины и дети.

Интересно контекстуальное значение слова *exploitation* в нижеследующем примере:

Britain's worldwide exploitation was shaken to the roots by Colonial Liberation Movements. (*Daily Worker*)

Контекстуальное значение слова возникло метонимически — всякая колониальная система зиждется на эксплуатации, которая является основой колониального могущества. Соответствующее в русском языке слово *эксплуатация* не может быть употреблено в таком контекстуальном значении; этому препятствует также контекстуальное окружение слова *exploitation* (*worldwide, shaken to the roots*). Возможным вариантом является перевод при помощи метонимического переноса — замены.

Колониальное могущество Англии было подорвано (потрясено до основания) национально-освободительным движением в ее колониях.

Контекстуальное значение слова всегда очень эффективно как семантически, так и стилистически, благодаря своей неожиданности. Оно часто используется в стилистических целях и поэтому переводчик сталкивается с двойной задачей: он должен избегать нивелировки и в то же время не нарушить норм языка перевода.

Особую трудность представляет перевод слов эмоционального значения, тоже требующих лексических замен. В каждом языке существует большой разряд слов, у которых помимо логического значения, имеется и эмоциональное значение или сознание. Не следует смешивать эмоциональное сознание с различными значениями (Л. С. В.) многозначного слова. Эмоциональное значение обычно присутствует в парадигматическом значении слова, т. е. объективно, а не субъективно, например, в таких словах как love, hate, friendship и т. п. (Однако не исключены случаи, когда эмоциональное значение слова возникает в связи с его контекстуальным употреблением). Эмоциональное значение слова можно рассматривать как вторую сему, выражающую оценку данного явления или факта реальной действительности. Эмоциональное значение, заложенное в слове, обычно создается теми ассоциациями — положительными или отрицательными, — которые слово вызывает и которые присутствуют в нем вне зависимости от контекста и субъективного восприятия.

Эмоциональное сознание несомненно присутствует в таких словах, как grief, joy, sorrow, motherland, to smile, to greet, tender, funny, cute, terrifying и др. Но такие слова не представляют специфических трудностей для перевода, ибо их логическое значение конкретно и имеет четкие семантические границы в обоих языках. Для перевода трудны слова эмоционального значения с широкой понятийной основой, так как их семантические границы расплывчаты и неопределенны. К таким словам можно отнести, например, существительное *glamour* и образованное от него прилагательное *glamorous*. *Glamour* в различных контекстах может означать: *блеск, пышность, эффектность, роскошь, красочность* и т. д. Перевод такого слова в очень большой степени зависит от контекста. Нижеследующие примеры взяты из рассказа Сомерсета Моэма «Джулия Ладзари».

R. was captivated by the vulgar **glamour** and the shoddy brilliance of the scene before him.

Р. был пленен вульгарным **блеском** и дешевой роскошью всего окружающего.

(По существу оба сочетания vulgar glamour и shoddy brilliance являются синонимичными).

...who were attracted for the moment by the **glamour** of the dancer or the blatant sensuality of the woman.

...которых на мгновение привлек **романтический ореол** танцовщицы или ее откровенная чувственность.

In her bountiful arms they caught sight for a moment of the brilliant world of the capitals, and ever so distantly and however shoddily of the adventure and the **glamour** of a more spacious life.

В ее продажных объятиях перед ними на мгновение вставал ослепительный мир столиц и, пусть далекий и поддельный, мир полный приключений, и **отблеск** шикарной жизни.

Следует отметить, что слово spacious (в противопоставлении глухой провинции, где выступала Джулия Ладзари) контекстуально приобретает эмоциональное значение, что дает основание для такого перевода.

В нижеследующем примере слово glamour используется в газетной рецензии на спектакль «Ричард III».

Hirsch's Richard is not lacking in **glamour**. Facially he is a smiling fallen angel. (*The Observer Review*, 1973)

Ричард в исполнении Хирша не лишен **обаяния**. У него лицо улыбающегося падшего ангела.

Поскольку в словах эмоционального значения присутствует оценочный момент, они могут употребляться в самых различных контекстах. Такая широта употребления раздвигает их понятийную основу и ведет к ослаблению логического значения, т. е. к некоторой десемантизации. В таких случаях они превращаются в усилителей. Это относится, конечно, к прилагательным и наречиям.² Перевод таких слов зависит также от своеобразия их употребления и сочетаемости в английском и русском языках и часто осуществляется при помощи усилителей — слов, выпол-

² См.: I. R. Galperin. Stylistics. M., «Высшая школа», 1971, pp. 60, 151.

няющих аналогичную функцию, но не являющихся прямыми семантическими соответствиями.

Mr Heath **sorely** needs support of the Opposition in the face of the explosion of anger and **horror** at the shootings in Derry. (*Morning Star*, 1972)

Хит **крайне** нуждается в поддержке оппозиции, так как расстрелы в Дерри вызвали взрыв гнева и возмущения.

Слово **sorely** выступает здесь как усилитель и его перевод словом **крайне** является функционально равноценным, хотя логические значения обоих слов лежат в разных плоскостях: **sorely** — *болезненно, тяжело*; **крайне** — *предельно*.

Из-за различия в сочетаемости, слово **horror** приходится переводить существительным *возмущение (негодование)*, которое является эмоционально адекватным. Сочетание *взрыв ужаса* неприемлемо в русском языке. Аналогичным образом переводится усилительное слово и в нижеследующем примере:

Even judged by Tory standards, the level of the debate on the devaluation of the pound yesterday was **abysmally** low. (*Morning Star*, 1973)

Даже с точки зрения консерваторов дебаты в Палате общин по вопросу о девальвации фунта стерлингов проходили на **чрезвычайно** (невероятно) низком уровне.

Особую группу слов, требующих трансформаций в переводе, представляют слова, имеющие различный объем значения в английском и русском языках. Эта проблема уже затрагивалась выше, когда речь шла о некоторых английских словах (например, о слове *mellow*), значению которых соответствуют два или более русских слова. В эту группу, естественно, входит огромное количество самых разнообразных слов. Здесь рассматриваются только некоторые подгруппы: интернациональные слова, некоторые глаголы восприятия, ощущения и умственной деятельности и так называемые адвербиальные глаголы.

Тут необходимо оговориться, что входящие в эти подгруппы слова **различны** по своей семантической структуре. Интернациональные слова и глаголы восприятия, ощущения и умственной деятельности являются в английском языке многозначными словами, тогда как адвербиальные глаголы — двусемными.

Интернациональными словами, как известно, называются такие слова, которые встречаются в ряде языков в более или менее одинаковой звуковой форме. Эти слова выражают научные и общественно-политические, а также и обиходные понятия. Например, *electronic* — *электронный*, *radar* — *радар*, *capitalism* — *капитализм*, *elegant* — *элегантный* и т. п. Объем значения таких слов обычно не совпадает (за исключением слов-терминов). В русском языке они имеют, как правило, одно значение, а в английском языке эти слова обычно многозначны. Хотя всем известно, что эти слова являются «ложными друзьями» переводчиков, ошибки в их переводе далеко не редки. Эти ошибки вызываются не только различием в их семантической структуре, но и различием в их употреблении, что тоже требует лексических замен.

We are told that BBC television this autumn will give a massive coverage to the General Election. (*Morning Star*, 1968)

Сообщают, что нынешней осенью передачи Би-би-си по телевидению будут широко освещать парламентские выборы.

Слово *massive* наряду со значением *массивный* имеет также значения: *массовый*, *грандиозный*, *огромный*, *широкий* и т. п. Например, *massive success* — *огромный успех*; *massive problems* *важные (сложные)* проблемы.

Русское слово *прогресс* употребляется только в узком смысле, тогда как во всех значениях и в употреблении английского слова *progress* присутствует его доминанта — движение вперед, передвижение. В названии известной серии картин Хогарта “*A Rake's Progress*” заключен весь смысл серии — (пере)движение, путь к падению (русское соответствие «Жизнь повесы»).

В названии произведения Баньяна “*The Pilgrim's Progress*” присутствует та же самая идея — путь, движение к совершенствованию. Таким образом, английское слово *progress* означает движение как в положительном, так и отрицательном смысле, тогда как русское слово *прогресс* имеет только положительные коннотации. В нижеследующем примере слову *progress* контекстуально соответствует русское слово *знакомство*, хотя здесь оно употребляется в своем основном значении *передвижение* (...она бродила по Лондону и открывала его для себя).

Her progress about London during that first week was one thrilling adventure. (H. Walpole)

Ее знакомство с Лондоном в первую неделю было сплошным увлекательным приключением.

В связи с более широким объемом значения интернациональные слова имеют в английском языке и более широкое употребление по сравнению с употреблением аналогичного слова в русском. Например:

Never before in the history of the world have there been so many persons engaged in the translation of both secular and religious materials (E. Nida and Ch. Taber, *The Theory and Practice of Translation*)

Еще никогда в истории человечества столько людей не занималось переводом как светской, так и духовной литературы.

Русское соответствие *религиозные материалы* совершенно неприемлемо в данном тексте из-за иного употребления. В этом случае usage (узус) играет решающую роль, хотя по своему значению эти слова абсолютно идентичны в обоих языках. То же самое относится к употреблению слова echo в нижеследующем примере:

Various proposals are being made in Britain with the aim of solving the unemployment problem before winter sets in. Perhaps we should think about an echo of the Civilian Conservation Corps with which Roosevelt drew many young men out of the doldrums. (*The Guardian*)

Сейчас в Англии выдвигаются различные предложения с тем, чтобы решить проблему безработицы еще до наступления зимы. Пожалуй, нам следовало бы подумать о чем-то вроде Гражданского корпуса по охране природных ресурсов, при помощи которого Рузвельту удалось вывести многих молодых людей из угнетенного состояния.

Очевидно английское и русское слова (echo — эхо) имеют разное употребление. Русское слово эхо связывается только со слуховыми ассоциациями, а в переносном значении скорее употребляется слово *отголосок*, что и обусловило данный перевод словами *что-то вроде*.

Ошибочным является однозначный перевод таких глаголов, как to see, to feel, to believe и др. только словами *видеть, чувствовать, верить*. В отличие от соответствующих русских глаголов английские приобрели и другие значения,

в которых они особенно часто употребляются в газетно-публицистическом стиле.

The Tories **believe** they have still more effective methods of keeping wages down. (*Morning Star*)

Консерваторы **считают**, что у них есть еще более действенные способы замораживания зарплаты.

Перевод русским глаголом *верить* явился бы искажением смысла.

Особую группу слов с неодинаковым объемом значения составляют так называемые адвербиальные глаголы. В их семантической структуре всегда присутствуют две семы: сема действия и сема, передающая характер этого действия. Такие глаголы все чаще и чаще употребляются в современном английском языке. Обычно при переводе требуется введение какого-либо глагола движения и обстоятельственного слова или слов, раскрывающих основную сему.

One rainy afternoon Wade **moped** about the sitting-room, occasionally going to the window and flattening his nose on the dripping pane. (M. Mitchell)

Однажды в дождливый день Уэйд **уныло бродил** по гостиной, иногда подходил к окну и прижимался носом к стеклу, по которому стекали капли дождя.

Аналогичным способом переводится адвербиальный глагол и в следующем примере, заключенная в нем образность передается сравнением (тоже являющимся обстоятельством образа действия).

He walked out on the edge of the small dock and **knifed** his way into the water. (H. Robbins)

Он подошел к краю маленького пирса и **прыгнул, врезавшись** в воду как нож.

Лексические трансформации вызываются также необходимостью конкретизировать слово при переводе. Для английского языка характерно наличие особенно большого количества слов с широкой понятийной основой, т. е. слов широкого значения. Ими могут быть существительные, прилагательные и глаголы, например: thing, point, stuff; nice, fine, bad; to say, to go, to come, to get. Перевод таких слов зависит от конкретизирующего их значение контекста. Они обычно переводятся различными русскими словами, имеющими конкретное значение. В особенности это относится к

глаголам речи и глаголам движения. «Конкретное лексическое значение, тот или другой лексико-семантический вариант глагола, зависит от структуры и лексического наполнения распространяющих его слов».³

At the by-election victory **went** to the Labour candidate. (*Morning Star*)

На дополнительных выборах победа **досталась** лейбористам (победу одержал кандидат от лейбористской партии).

The rain **came** in torrents.

Полил сильный дождь.

Английский глагол to die имеет гораздо более широкое употребление, чем русский глагол *умирать* и часто тоже требует конкретизации при переводе.

So far 65 people **have died** in floods in Dacca Province, East Pakistan. (*Morning Star*)

По имеющимся данным 65 человек **утонуло** (погибло) во время наводнений в провинции Дакка, Восточный Пакистан.

Среди существительных широкого значения особую группу составляют абстрактные существительные, которые часто требуют конкретизации в переводе. Так, например, несмотря на наличие в русском языке слова *президентство*, английскому слову presidency часто соответствуют слова *пост президента* или *президентская власть*.

An ageing speaker cannot take on the burdens of the **presidency**. (*Из газеты*)

Престарелый спикер не может взять на себя бремя **президентской власти** (в случае смерти президента и вице-президента).

Употребление слов абстрактного значения сильно различается в разных языках. Отсюда вытекает и необходимость в конкретизации при переводе.

The Saigon regime used every form of pressure and violence to compel a reluctant **electorate** to go to the polls. (*Morning Star*, 1971)

³ А. А. У ф и м ц е в а. Слово в лексико-семантической системе языка. М., «Наука», 1968, с. 90.

Сайгонский режим прибегал ко всем видам давления и насилия, чтобы заставить упрямых избирателей принять участие в выборах.

Существительное *exposure* имеет широкое, обобщающее значение и обычно требует конкретизации при переводе в зависимости от узкого и даже широкого контекста.

Two of the shipwrecked seamen died of *exposure* (*Morning Star*, 1971)

Двое из потерпевших крушение моряков погибли от холода (или от зноя и жажды).

It was a good solid house built to withstand time and *exposure*. (A. Christie)

Это был хороший, прочно построенный дом, который мог противостоять действию времени и погоды (дождя, снега, ветра).

Многие существительные с широкой понятийной основой фактически десемантизировались. Это такие слова как *thing*, *point*, *affair*, *pattern*, *stuff* и др. В ряде случаев они употребляются как слова заместители (*prop-words*) и часто опускаются при переводе.

His luncheon was a frugal *affair* and he dined at night. (P. Buck)

Завтракал он легко, а обедал поздно вечером.

If the Prime Minister's Guildhall speech made few new *points*, it was statesmanlike. (*The Times*)

Если речь премьер-министра в Гилдхолле не содержала ничего нового, то все же это была речь государственного деятеля.

Иногда, конечно, они переводятся такими же десемантизированными словами.

Elections in Britain in the XIXth century were a very costly *business*.

В XIX веке выборы в Англии были очень дорогим делом.

Иногда к конкретизации приходится прибегать из-за того, что обобщающие слова в обоих языках имеют качественное различие (*valeur*). К ним относятся такие слова как *meal* и *трапеза*, которые обычно служат иллюстрацией этого явления или слова *limbs* и *члены*, из которых *limbs* является широко употребительным, а русское слово *члены* имеет гораздо более узкое употребление.

“Thank you”, said Margeret, feeling large and awkward and clumsy in all her **limbs**. (H. Walpole)

«Благодарю вас», — сказала Маргарет, чувствуя себя неловкой и неуклюжей и не зная куда девать свои **руки и ноги**.

В данном переводе, помимо конкретизации (*руки и ноги*) пришлось прибегнуть к употреблению устойчивого сочетания.

Английское обобщающее существительное *child* употребляется гораздо чаще, чем соответствующее русское слово *ребенок*. Обычно оно передается в переводе конкретными существительными *мальчик* или *девочка*, *сын* или *дочь*.

No one knew with what passionate emotion she loved this **child**. (H. Walpole)

Никто не знал как страстно она любила своего **сына**.

Перевод при помощи эквивалента *этого ребенка* мог бы ввести в заблуждение: читатель мог бы подумать, что речь идет о каком-то чужом ребенке.

Но наблюдается и обратное явление, когда английскому исчисляемому конкретному существительному соответствует в русском языке неисчисляемое абстрактное существительное и в переводе приходится вводить дополнительное слово, употребляющееся во множественном числе.

A German of fifty-five has seen two wars, two defeats, **two terrors**, an inflation and three major economic crises. (*The Times*, 1970)

На долю пятидесятилетнего немца пришлось две войны, два поражения, два **периода** террора, одна инфляция и три серьезных экономических кризиса.

* * *

Следующий вопрос, на котором необходимо остановиться в связи с лексическими трансформациями при переводе, это вопрос о сочетаемости. В каждом языке имеются свои типичные нормы сочетаемости. Понятие нормы соотносимо, с одной стороны, с системой языка, а с другой стороны, она тесно связана с речью, в которой проявляется языкотворческая оригинальность носителей языка⁴. Каждый язык мо-

⁴ См.: Э. К о с е р и у. Синхрония, диахрония и история. «Новое в лингвистике», вып. III, М., ИЛ, 1963.

жет порождать бесконечное количество новых сочетаний, понятных для людей, говорящих на нем и не нарушающих его норм. В каждом языке существует круг обычных, установившихся традиционных сочетаний, которые не совпадают с соответствующим кругом сочетаний в другом языке. Это вызывает необходимость подыскивать столь же принятые сочетания в языке перевода. Основное из сочетающихся слов семантически совпадает и сохраняется в переводе, а второе часто переводится словом, имеющим другое логическое значение, но выполняющим ту же функцию, как например, *trains run* — *поезда ходят*, *rich feeding* — *обильная пища* и т. п.

The air was rich with the scent of the summer flowers. (P. Johnson)

Воздух был напоен ароматом летних цветов.

Labour Party protests followed sharply on the Tory deal with Spain. (*Morning Star*, 1973)

За сообщением о сделке консервативного правительства с Испанией немедленно последовал протест лейбористской партии.

Чем шире семантический объем слова, тем шире его сочетаемость, так как благодаря этому оно может вступать в самые разнообразные связи. Это в свою очередь допускает широкие возможности его передачи в переводе, различные варианты перевода.

Наряду с традиционными сочетаниями в языке возможны и неожиданные сочетания, но вполне понятные, поскольку они следуют принятым семантическим моделям сочетаемости. Это явление — соединение слов, наделенных совершенно различными семантическими особенностями, — свойственно всем языкам, но в каждом языке имеет различный удельный вес. В английском языке такие неожиданные сочетания, по-видимому, образуются очень легко. Возможно, это обусловливается явлением конверсии и легкостью образования новых слов различными способами, разнородностью словарного состава и другими причинами. Не только поэты и писатели, но и журналисты часто прибегают к неожиданному сочетанию слов, что придает высказыванию значительную живость и оригинальность. «Неожиданность слова тесно связана со смысловой емкостью высказывания. Количество информации в слове связного высказывания пропорционально неожиданности слова», — пишет Ю. Степанов в своей

книге «Французская стилистика» (М., «Высшая школа», 1965). Об этом же говорит и Риффатер в своей статье “Criteria for Style Analysis”, “Word”, v. 15, N 1.

Неожиданное употребление слова осложняет задачу переводчика, ибо слово выступает в сочетании не только с одним словом, но и в одном линейном ряду с другими словами целого предложения. Например:

When they were seated, Lock remarked: “I take it you’re keen on birds?”

“Fairly”, said Ginger in a voice **rich with disinterest**. (Kenneth Allsop)

Когда они усьелись, Локк сказал: «Насколько могу судить, ты очень интересуешься птицами».

«Средне», — ответил Джинджер, **нарочито равнодушным** тоном (голосом, в котором слышалось полное отсутствие интереса).

Madame’s white **sharp** hand rested on Adam’s broad knee. (H. Walpole)

Употребление прилагательного **sharp** в этом контексте является неожиданным: ни одно из приводимых в больших словарях его значений не подходит для описания руки. Трудность его перевода усугубляется наличием второго определения **white**, которое исключает перевод словами *костлявый* или *сухой*.

Белая, **сухощавая** рука мадам лежала на широком колене Адама.

В переводе сохранен смысл, но утрачена неожиданность употребления.

Не менее неожиданно употребление прилагательного **documentary** в сочетании с существительным **bombshell** в следующем примере:

A teacher who leaves a **documentary bombshell** lying around by negligence is as culpable as the top civil servant who leaves his classified secrets in a taxi. (*Daily Mirror*)

Преподаватель, по небрежности оставивший на столе **бумаги**, которые могут вызвать **большой скандал**, не менее виновен, чем ответственный государственный служащий, забывший секретные документы в такси.

При переводе пришлось прибегнуть к ряду лексических и грамматических трансформаций: 1. три так называемых

интернациональных слова (documentary, classified secrets) переведены словами *бумаги, секретные документы*. Формально соответствующие им слова *документальный, классифицированные секреты* естественно не могут быть использованы в переводе. Classified secrets является терминологическим сочетанием, которому в русском языке соответствует такое же терминологическое сочетание *секретные документы*. 2. Сочетание documentary bombshell несомненно является неожиданным, но сохранение его противоречило бы нормам сочетаемости русского языка. От сохранения метафоры bombshell тоже приходится отказаться, так как ее передача при помощи сравнения *подобно взрыву бомбы* очень отяжелила бы перевод.

* * *

Последнее, на чем следует остановиться, — это **традиционное** для каждого языка **употребление** слова или слов, которое часто вызывает необходимость в трансформациях. Это традиционное употребление тоже в какой-то степени связано с иным подходом к явлениям реальной действительности. Например:

The city is built on terraces **rising** from the lake. (*The Times*)

Для русского языка традиционным употреблением будет:

Город построен на террасах, **спускающихся** к озеру.
'He wrote under several pseudonyms, many of his essays appearing **over** the name of Little Nell.

Он писал под разными псевдонимами, многие его очерки появились **под** псевдонимом «Крошка Нелл».

Аналогичный пример взят из романа А. Хейли:

Margaret Howden in a ball gown of pale mauve lace, **above** the gown her shoulders bare.

На Маргарет Хоуден было бальное платье из кружева бледно-сиреневого цвета. **Глубокое декольте** обнажало ее плечи.

В этом случае предлог опущен в переводе, поскольку своеобразие английского употребления потребовало полной трансформации.

К традиционному употреблению (usage) можно отнести

так называемые клише — распоряжения, приказы, а также клише в более широком понимании.

Never drink **unboiled water**.

Не пейте **сырой воды**.

No smoking.

Курить воспрещается.

Commit no nuisance.

Останавливаться воспрещается.

The New Zealand earthquake was followed by tremors lasting an hour. **No loss of life was reported**.

После землетрясения в Новой Зеландии в течение часа ощущались толчки. **Жертв не было**.

The Commonwealth countries **handle a quarter of the world's trade**. (*The New York Times*)

На страны Британского содружества **приходится четверть** всей мировой торговли.

Как видно из примеров, в переводах используются соответствующие традиционные сочетания, клише русского языка.

* * *

Объем настоящей статьи не дает возможности охватить многие другие явления английского языка, вызывающие лексические трансформации при переводе. Авторы остановились лишь на тех лингвистических проблемах, которые представляются наиболее существенными для теории и практики перевода.

Ю. Н. Пинягин

(Пермь)

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И ПЕРЕВОД

Сопоставительное изучение лексики в переводческом аспекте предполагает выявление эквивалентов при передаче значений слов языка оригинала в языке перевода. Такими эквивалентами обычно являются соотносимые ЛСВ слов, в которых по-своему отражаются и преломляются факты действительности в каждом языке. Сопоставляя, например, прилагательные *violent*, *furious*, *fierce* и *бурный*, *яростный*, *неистовый*, мы убеждаемся, что объем их семантического содержания в разных языках, как правило, не совпадает.

В работе М. М. Галинской¹ выделяются четыре основных группы русско-английских лексических эквивалентов по степени совпадения семантических структур сопоставляемых слов. Такими эквивалентами могут быть лексические единицы, семантические структуры которых совпадают: 1) полностью, 2) в своих основных значениях и части дополнительных, 3) только в основных значениях и 4) лишь в дополнительных значениях.

Наибольший интерес для исследователя представляет второй тип соответствий.

Так, при переводе английских прилагательных *violent*, *furious*, *fierce* на русский язык были получены и сведены в таблицу эквиваленты этих прилагательных в русских переводах (в табл. 1 приводятся только эквиваленты, встретившиеся в пределах выборки не менее двух раз). Таблица 2 составлена по такому же принципу по данным перевода русских прилагательных *бурный*, *яростный*, *неистовый* на

Т а б л и ц а 1

Эквиваленты русских прилагательных	Русские прилагательные		
	Бурный	Яростный	Неистовый
Violent	4	4	4
Stormy	34		
Turbulent	5		
Rapid	2		
Wild	4		2
Tempestuous	4		
Passionate	2		
Enthusiastic	2		
Loud	2		
Swift	2		
Fierce		17	2
Rabid		3	
Furious		17	8
Frenzied		3	6
Angry		2	
Savage		3	
Desperate		2	
Frantic			7
Hysterical			2

¹ См.: М. М. Г а л и н с к а я. К вопросу о нормах сочетаемости в русском и английском языках. «Иностранные языки в высшей школе», вып. 3, М., 1964, с. 52.

Таблица 2

Эквиваленты английских прилагательных	Английские прилагательные		
	Violent	Furious	Fierce
Бурный	17	2	
Сильный	15		2
Грубый	3		
Буйный	3		
Насильственный	6		
Суровый	3		
Бешеный	5	10	3
Свирепый	3	3	19
Неистовый	12	3	3
Жестокий	5		5
Яростный	9	15	18
Горячий	3		5
Резкий	4		
Яркий	4		
Злой		3	6
Отчаянный		3	
Злобный		2	5
Лютый			4
Дикий			3
Гневный	2	2	
Острый	2		2
Пылкий	2		
Страстный	2		
Крепкий	2		
Вспыльчивый	2		
Безумный		2	
Сердитый		2	
Жаркий			2
Страшный			2
Ослепительный			2

английский язык. Цифры в вертикальных колонках обеих таблиц указывают на количество случаев появления данного эквивалента в текстах перевода.

Общий объем выборки из современной английской и русской литературы составил для каждого языка по 25000 страниц.

Задача исследования состояла в том, чтобы: 1) попытаться определить, каким образом связаны эквиваленты указанных английских и русских прилагательных внутри каждого из языков; 2) определить характер этой связи и степень близости эквивалентов в двух языках; 3) попытаться раскрыть

семантическую структуру прилагательных одного языка через его переводы на другой язык.²

Специфика перевода художественной литературы заключается в том, что помимо лингвистического, он имеет еще и художественный аспект. Перевод как процесс воссоздания оригинала на языке перевода — процесс творческий, а для творчества, как известно, нет готовых рецептов. Исходя из этого, мы можем установить лишь самые общие закономерности передачи значений прилагательных одного языка на другой. Кроме того, различные семантические и функциональные признаки прилагательных позволяют переводить их разными частями речи, например: *furious* переводится одинаково часто как прилагательным *яростный* — 15 случаев, так и существительным — быть в *ярости* (тоже 15 случаев в пределах выборки), и несколько меньше — наречием *яростно* (6 раз). Поэтому исследование не ставит своей целью анализ всех способов перевода, а делается попытка выяснить состав группы прилагательных — эквивалентов, которые приводятся в таблицах (частотность появления их в текстах перевода — не менее двух раз в пределах выборки во избежание регистрации чисто окказиональных или неправильных случаев перевода).

Анализ фактического материала и таблиц 1 и 2 позволяет сделать некоторые выводы:

1. Первое, что привлекает внимание, это количественная разница в количестве эквивалентов прилагательных в двух языках: для русских прилагательных — 19 эквивалентов, для английских — 30.

2. Рассматривая данные таблицы 1 в порядке убывания частотности английских эквивалентов, мы можем отметить, что основным эквивалентом для прилагательного *бурный* является: *stormy* — 34 раза, затем идут *turbulent* — 5, *violent* — 4, *wild* — 4, *tempestuous* — 4 и т. д. Основными эквивалентами *яростного* являются: *furious* — 17 раз и *fierce* — 17; затем *violent* — 4, *frenzied* — 3 и т. д.

Для прилагательного *неистовый* основными эквивалентами оказались — *furious* — 8 раз, *frantic* — 7, *frenzied* — 6, *violent* — 4 и *fierce* всего два раза.

² См. возможность такого подхода у И. М. В л а д е р. О роли сопоставительного изучения подлинника и перевода для анализа семантического поля. «Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореца», т. 54, М., 1970, с. 68.

3. При исследовании эквивалентов прилагательного *violent* (см. табл. 2) выясняется, что *бурный* послужил его эквивалентом 17 раз, *сильный* — 15, *неистовый* — 12, *яростный* — 9, *яркий* — 4. Порядок их следования почти совпадает со смысловой структурой *violent*, которая приводится в англо-русских словарях. Сопоставляя прилагательные *violent* и *бурный* бинарно, небезынтересно отметить, что при переводе *violent* на русский язык его основным эквивалентом является прилагательное *бурный* (17 раз), а при переводе слова *бурный* на английский язык *violent* служит его эквивалентом всего 4 раза, т. е. между ними нет такого постоянного взаимного соответствия в обоих языках, как в случаях перевода *furious* и *fiere* прилагательным *яростный* и наоборот (см. пункт 4 данной статьи).

Для *furious* основным эквивалентом явились: *яростный* — 15 раз, *бешеный* — 10, *неистовый* — 3 и т. д.

Основными эквивалентами *fiere* были отмечены: *свиный* — 19 раз, *яростный* — 18, *злой* — 6, *жестокый*, *горячий*, *злой* по 5 раз; *неистовый* является эквивалентом *fiere* всего в трех случаях.

4. Сопоставляя эти данные, можно сделать вывод, что среди сопоставляемых прилагательных только *яростный* (17 раз) и *furious* (15 раз); и *яростный* (17 раз) и *fiere* (18 раз) являются обычными взаимными эквивалентами в процессе перевода с одного языка на другой. Подобные количественные соотношения, имеющие удивительную стабильность, характеризуют языки так же специфически, как их характеризуют фонологическая или грамматическая системы. «В связи с этим «количество» становится и «качеством» языка, которое необходимо учитывать переводчику. Это тем более важно, что количественная упорядоченность данного языка является как бы тайной, скрытой его закономерностью, не выявляющейся с такой ясностью и четкостью, как вышеупомянутые особенности языков при их сопоставлении. Вскрытие таких неявно детерминированных законов возможно лишь с определенной вероятностью как законов статистических».³ Поэтому мы согласны с Е. В. Стальмашевской, что чем больше одинаковых переводов имеют ядерные

³ Т. В. Строева. Количественные характеристики языка и проблема перевода. «Иностранные языки в школе», 1969, № 6, с. 11.

слова, тем теснее семантическая связь между ними.⁴ В таких случаях, по-видимому, можно говорить о большой степени сходства некоторых лексико-семантических вариантов в семантической структуре соответствующих прилагательных двух языков.

5. Тот факт, что в каждом из языков прилагательные — эквиваленты представлены значительными по количеству лексическими группами с примерно одинаковой, близкой семантикой говорит, на наш взгляд, о наличии системных отношений как внутри каждой из этих групп эквивалентов, так и о системном характере соответствия их друг другу в сопоставляемых языках, так как их составы совпадают между собой на 75%.

6. Интересно отметить два русских эквивалента английских прилагательных: *violent* — *яркий*, и *fierce* — *ослепительный*. Они выпадают из более или менее однородной в целом группы русских эквивалентов английских прилагательных. Если значение *яркий* присуще прилагательному *violent* и зафиксировано почти во всех словарях английского языка, то значение *ослепительный* для *fierce* отмечено в качестве подзначения только в 3-м издании Вебстера. Примеры:

At night passers would see the *f i e r c e* dead glare of the patent lamp... (W. Faulkner, *The Hamlet*)

По вечерам прохожие видели о с л е п и т е л ь н о е ровное сияние патентованной лампы... (У. Фолкнер, *Деревушка*)

И еще один пример из этого произведения:

...to see the *f i e r c e* still glare it made. (Ib.) ... поглядеть на ее о с л е п и т е л ь н о е и ровное сияние. (Там же)

7. Представляется интересным отметить тот факт, что английские прилагательные имеют большее количество эквивалентов (включая все способы перевода их на русский язык), чем русские прилагательные: *violent* — 113, *furious* — 71, *fierce* — 71; *бурный* — 40, *яростный* — 31, *неистовый* — 20. Такая резкая разница может быть, на наш взгляд, объ-

⁴ См.: Е. В. С т а л ь м а ш е в с к а я. К вопросу о лексической валентности однотипных лексико-семантических групп. «Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 469, Л., 1970. с. 190.

яснена: 1) разной частотностью прилагательных в обоих языках, 2) разным количеством их значений и тем, что 3) одному английскому прилагательному с широким значением в русском языке соответствует ряд слов более конкретного значения, происходящих от разных корней.⁵

Наблюдаемой при переводе с английского языка на русский конкретизации слов в переводах с русского языка на английский обычно соответствует обратное явление — употребление слов более широкого значения. По мнению В. Г. Гака, если при изучении переводов мы обнаружим, что данное широкое по значению слово «регулярно конкретизируется определенным способом, то данный вариант мы можем включить в словарь».⁶ Это можно, на наш взгляд, отнести к подзначению *яркий, ослепительный* у прилагательного *fiere* и тем самым выделить его в отдельное значение.

Сидер Флорин
(София)

РЕМАРКА — ПУНКТУАЦИЯ — ТЕМПЕРАМЕНТ (На материале английского языка)

Под **ремаркой** прошу понимать ремарку к прямой речи в беллетристике (в романах, повестях, рассказах). Говоря о **пунктуации**, буду иметь в виду главным образом знак восклицания. Поскольку же речь пойдет о переводах с английского языка, прицельной точкой будет несоответствие между эмфатическим напряжением реплики и ремаркой и/или, соответственно, знаком препинания и его местом в английской или американской художественной литературе, с одной стороны, и в русской или болгарской литературе, с другой.

Так как, на мой взгляд, это несоответствие обусловлено не темпераментом того или иного автора или его героев, а образом мышления народа, может быть, его следовало бы рассматривать в более широком национально-психологическом аспекте. Таким образом можно было бы установить различную систему пунктуации в различных языках, обуслов-

⁵ См. об этом в отношении французской лексики у В. Г. Гака «Некоторые общие семантические особенности французского слова в сравнении с русским и вопросы лексикографии» в кн. «Лексикографический сборник», вып. IV, М., 1960, с. 17—21.

⁶ В. Г. Г а к. Указ. соч., с. 25.

ленную в той или иной степени темпераментом соответствующих народов. Ведь именно от темперамента, эмоциональности речи зависит интонация — общий ритм, быстрота, паузы (количество их и продолжительность), а также напряженность выражений, степень которых в их письменном значении передают знаки препинания и места их расстановки.

Применительно к художественному переводу, однако, возникает вечный двойкий вопрос верности — формальной верности автору, подсознательно повинующегося темпераменту своего народа, и верности духу произведения, диктующего подчас удаление от буквы — в нашем случае от знака препинания — в тексте перевода в интересах правильной для иноязычного читателя интонации произведения.

Конечно, легче всего подметить это в эмоционально сверхнапряженных местах, т. е. в восклицаниях. Очевидно, ангlosаксы восклицают тише, удивляются, волнуются, возмущаются и ликуют спокойнее славян. Это можно было бы, естественно, проверить и просто подсчитав среднее число знаков восклицания. А в русских и болгарских книгах, в противоположность английским, довольно часто можно встретить по два и даже по три восклицательных знака, причем завершенных красноречивым многоточием (!!!...)¹

Несоответствия эти встречаются в самых различных случаях и положениях, но, так как настоящие заметки являются лишь наблюдением и нисколько не претендуют на законченное исследование, я позволю себе указать только два — три таких случая, подкрепив их несколькими из набравшихся у меня примеров. Эти случаи можно, с первого же взгляда, разделить на несколько категорий.

1. В английских выражениях, начинающихся междометием, очень часто восклицательный знак ставится после междометия, а последующее за ним выражение пишется со строчной, не с прописной буквы, тем самым указывая на единство его с междометием, и заканчивается точкой, например: **Oh! it isn't so.**

Разумеется, в известной степени это закономерно, если принять во внимание, что междометие — это «неизменяемая часть речи, служащая для выражения чувств и волевых побуждений». Однако для нас в русском и болгарском языках это выражение чувств и волевых побуждений распространя-

¹ Есть, к примеру сказать, народы и потемпераментнее наших: ведь на испанском языке вопросительный и восклицательный знаки ставятся не только в конце, но и в начале предложения!

ется на все предложение, не остывает так скоро, довольствуясь одним лишь введением, как в английских текстах. Вероятно, такое восклицание, как следующий пример из «Смока Беллью» Джека Лондона: “‘What! if you could just see yourself, shortly protested...”, т. е. «Как! если бы ты только смог себя увидеть, — **запротестовал** (или: **возразил**) ...» (перевод мой — С. Ф.), заканчивающееся ремаркой *запротестовал* или *возразил*, должно прозвучать для нас эмфатически до конца.

Здесь же можно привести еще один пример, притом представляющий реплику весьма темпераментного француза в книге Рафаэля Сабатини «Скарамуш»:

“Crime?” shrilled M. de Ker-
cadiou, “My God, boy, you
are speaking of M. de la
Tour d’Azyr.”

Преступление? — **взвизгнул** месье де Керкадиу. —
Господи, дорогой мой, ты говоришь о месье де ла Тур д’Азир. (Перевод мой. — С. Ф.)

Ведь старик, вероятно, не выкрикнул пронзительно только одно слово *преступление*, его волнение возрастает, и тем не менее фраза кончается точкой!

2. В эмфатическом выражении, напряженность которого подчеркнута еще больше ремаркой, вообще нет знака препинания, который выразил бы возбуждение, волнение и иные чувства говорящего. Вот пример из известного романа Кроуина «Замок Броуди»:

“Ye don’t say, Matt,” she
gasped.

— Что ты говоришь, Матт, —
изумилась она. (Перевод мой. — С. Ф.)

Или, еще один из романов Джеймса Оливера Кэрвуда «Равнины Абраама»:

“No place in New France
will be more beautiful than
our at the end of that time,”
exclaimed Catherine.

— Во всей Новой Франции
не будет местечка прекраснее
нашего к концу этого времени, — **воскликнула** Катерин.
(Перевод мой. — С. Ф.)

Или, еще лучше, из того же «Скарамуша» Сабатини:

“You talk like a lawyer,”
he exploded.

— Ты говоришь, как адвокат, — **взорвался** он. (Перевод мой. — С. Ф.)

Тут же можно процитировать и Г. К. Честертона в его рассказе «Судьба Дарнауэев»:

“What a pity art couldn’t have stopped forever at just that transition stage,” cried Wood, “and never transitioned any more.”

— Как жаль, что искусство не могло остановиться навсегда именно на этом переходном этапе, — **воскликнул** Вуд, — вообще не переходя к последующим. (Перевод мой. — С. Ф.)

Все эти *изумилась, воскликнула, взорвался* звучат глухо, бледнеют, теряют для нас свое содержание при отсутствии соответствующего им знака препинания; точка обесцвечивает все выражение.

3. Автор создает эмфатическую ситуацию средствами нагромождения и заканчивает совершенно нейтральной ремаркой, заключающей реплику с восклицательным знаком. Примером этого может послужить следующая выдержка из романа Диккенса «Тяжелые времена»:

Wet through and through: with her feet squelching in her shoes whenever she moved; with a rash of rain upon her classical visage: with a bonnet like an over-ripe fig; with all her clothes spoiled; with damp impressions of every button, string and hook-and-eye she wore, printed upon her highly connected back; with a stagnant verdure on her general exterior, such as accumulates on an old park fence in a mouldy lane; Mrs Sparsit had no resource but to burst into tears of bitterness and say, “I have lost her!”

Злополучная миссис Спарсит промокла насквозь, при каждом шаге вода хлюпала и булькала в ее башмаках, лицо с чертами римской матроны словно сыпью усеяли капли дождя, шляпка превратилась в подобие переспелой фиги, платье было вконец испорчено, все как есть пуговицы, крючки и петли отпечатались на ее высокородной спине, грязноватая празелень покрывала ее с головы до ног, точно чугунную ограду в тесном переулке. Что ей оставалось? Только разразиться слезами бессильной злобы и горестно **воскликнуть**: «Упустила!»

В этом случае, как это видно из цитаты, даже и русская переводчица романа В. М. Топер, не выдержав, это конечное *say* *сказать* перевела *воскликнуть*. Переведенная точно ре-

марка *сказать*, очевидно, внесла бы фальшивую нотку в звучание всего пассажа, мешала бы правильному восприятию намерения автора...

4. Последний случай — передача потока мыслей героя литературного произведения, представляющего своеобразную градацию, — нагромождение с явной эмфатической напряженностью, в которой, однако, автор довольствуется точкой в конце каждого предложения. Но перенесение этих точек в русский или болгарский текст несомненно грозит переводчику утратой эмоциональной нагрузки, настроения.

В качестве примера могу процитировать выдержку из «Американской трагедии» Т. Драйзера:

None the less once part and parcel of this household and working for Clyde she was delighted with the change. This big city. The fine Central avenue with its stores and moving-picture theatres. These great mills. **And again** this Mr. Griffiths, so young, attractive, smiling and interested in her.

И все же, войдя в эту семью и работая у Клайда, она радовалась перемене в своей жизни. Какой большой город! Как красива Сентрал-авеню с ее магазинами и кинематографом! И эти огромные фабрики! И мистер Гриффитс — такой молодой, красивый, улыбающийся. И она ему нравится.

Это почувствовали, как видно из русского текста, переводчицы З. Вершинина и Н. Галь, которые во имя «эмоциональной правды», прибегнули к восклицательному знаку. Но и они не выдержали замысла автора, поддавшись все-таки англо-американской пунктуации: прервали это *crescendo*, разорвав последнее предложение на два с точкой в конце каждого, и не заметив усиливающего выражения *and again*, которое звучит тут *и более всего*. Таким образом они заканчивают эту мысленную тираду неожиданным *diminution*, создающим в некоторой степени то, что по-английски можно было бы назвать *anticlimax*. Ведь наивысшая точка в переданных автором размышлениях героини это то, что «она ему нравится».

Итак, оказывается, для того, чтобы воссоздать в переводе эмоциональность, эмфатическую напряженность, отвечающие замыслу автора, чтобы передать их в форме понятной, соответствующей восприятиям нового круга читателей, переводчик должен уловить и согласовать нюансы прямой речи и подготовляющие и объясняющие их ремарки (а подчас и

непрямой речи, авторских отступлений) не только с текстом автора, но и с общими чертами темперамента и восприятия таких эмоциональных нагрузок этими новыми читателями. Это же неминуемо влечет за собой перемены в пунктуации и известные синонимические подмены в ремарках, чем достигается более рельефная реалистичность перевода. Это один из тех случаев, когда переводчик должен изменить автору, чтобы остаться ему верным.

Тема эта отнюдь не ограничивается одним знаком восклицания; она применима и в отношении ряда других знаков препинания и других синонимических подмен во имя согласования авторского намерения, выраженного интонационными средствами, соответствующими темпераменту одного народа, с равнозначными им интонационными средствами в рамках темперамента другого народа, на чей язык переводится данное произведение. Подобные сдвиги можно заметить в любой паре языков.

А. Кафиров
(Москва)

ПЕРЕВОДЧИКИ ШУТЯТ

Шутят все: маляры и полководцы, садовники и физики. Причем последние дошутились до того, что издали два сборника своих шуток. Так поглядеть, то можно подумать, что первые шутники это физики. А ведь если кто и может претендовать на первое место в таком серьезном деле, как шутка, так это переводчики: ведь шутят они на несколько веков больше, чем физики или кто другой. Доказательства? Пожалуйста: переводческая профессия возникла не на пустом месте, а явилась прямым результатом строительства Вавилонской башни. Как известно, первый опыт международного общения **без переводчика** закончился плачевно. Но безвестные строители могут гордиться собой, они дали миру нечто большее, чем еще одну башню, они создали **переводчика!** Вскоре молодая профессия была юридически оформлена (мечта всех нынешних переводчиков). В Первом послании к коринфянам дается довольно-таки четкое определение обязанностей переводчика (а заодно и оратора):

«Если кто говорит на *незнакомом* языке, *говорите* двое, или много трое, и то порознь, а один изъясняй». И далее: «только все должно быть благопристойно и чинно.» («Но-

вый завет», гл. 14, с. 27, 40). Таким образом на протяжении вот уже многих веков переводчики на законном основании занимаются своим промыслом, уделяя свободное время научно-педагогической деятельности и шуткам.

Пальма первенства в этом деле принадлежит устным переводчикам. Да это и понятно: работа отнимает мало времени, есть когда и пошутить.

Шутят над переводчиками-ремесленниками, чьи «перлы» вроде *international furniture* (международная обстановка) и *surrounding wednesday* (окружающая среда) стали уже притчей во языцех. Шутят, когда перевод удался, можно с чистой совестью отдохнуть, и переводчик вправе гордиться собой. Например:

Оратор-американец, рассказывал о предвыборной кампании президента Джонсона. Все шло гладко, переводчица была довольна, как вдруг оратор процитировал лозунг, под которым проходила кампания:

Hey, Hey, Hey!
All the way
With L. B. J.

В переводе эти слова прозвучали как: «Всю дорогу — с Джонсоном в ногу.»

Или вот еще случай: показывали фильм «Чапаев» с синхронным переводом на английский язык. Помните фразу — «Я университетов не кончал». А вот ее перевод — “I didn’t go to no universities”. Ну что ж, переводчик может гордиться собой.

Надо отдать должное переводчикам-синхронистам — они не теряют присутствия духа и шутят тогда, когда уж и не до шуток: оратор говорит, кабина молчит.

Рассказывают, как начинающий переводчик работал на одном научном конгрессе. При переводе одного 20-ти минутного выступления ему удалось сказать всего два слова — «Коллеги» и «Но». К счастью, ученые остались довольны переводом и отлично поняли друг друга. К их услугам была доска и язык формул.

Иногда шутит оратор, «отбивая хлеб» у переводчика. И чем остроумней он шутит, тем серьезнее становится переводчик. Так, на одном из заседаний международной организации обсуждалась петиция граждан Сингапура. Представлял петиционеров английский адвокат г-н Фут (Mr. Foot), а председательствовал его родной брат, лорд, сэр Хью. Один из делегатов, зная о их родстве, обращаясь к предсе-

дателю, сказал: «Г-н Фут! А ведь Ваш родной брат выступает против Вас...». На что председатель ответил: “We in our family have a long-standing democratic tradition: the Right Foot does not know what the Left Foot is doing”. Тут уж и правда не до шуток.

В аналогичную ситуацию попал и другой переводчик, но «яму вырыл он себе сам». Оратор, говоривший по-английски, сказал что-то вроде «Если стремиться достичь обе цели, то не достигнешь ни одной». Переводчик, радуясь своей находчивости, перевел: «За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь». Каково же было его разочарование, когда он услышал, как один из оппонентов оратора сказал: «Э, да ведь ваши зайцы притянуты за уши!» Как обошелся переводчик с зайцами, увы, неизвестно.

А вот случай, когда перевод был, но такой, что хоть плачь хоть смейся. “The Wisconsin ice-sheet”, существовавший на американском континенте еще во времена норманнов, задолго до Колумба, у одного переводчика превратился в «норманна Висконсина, открывшего Америку задолго до Колумба». У другого переводчика представитель Ватикана (The Holy See) фигурировал в переводе как «представитель Священного Моря». Создание нового государства стоило переводчику «отлучения от кабины» на пару месяцев.

Можно было бы продолжить перечень переводческих шуток, но к сожалению, рамки статьи не позволяют нам сделать этого. Надеемся, что такая важная тема, как шуточки переводчиков, найдет свое отражение если не в докторской, то уж в кандидатской диссертации непременно. Но даже из приведенных выше примеров ясно следует, что физикам и иже с ними далеко до переводчиков.

IV. ВОПРОСЫ УСТНОГО ПЕРЕВОДА

Г. В. Чернов

(Москва)

КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА И ИЗБЫТОЧНОСТЬ СООБЩЕНИЯ

Известная французская переводчица Д. Селескович в своей книге «Устный переводчик на международных конференциях» рассказывает о том, как однажды, переводя речь оратора, имя и национальная принадлежность которого были ей неизвестны, но который говорил на прекрасном английском языке в манере, типичной для ораторов — англосаксов, она была крайне удивлена, услышав, что оратор выступает с позиций, противоречащих позициям Англии. «...Искалечив его речь, сгладив все острые углы и обойдя все двусмысленные места, я узнала, что оратор был представителем Дании, и поняла, но ... увы — было поздно...»¹

Этот пример легко интерпретируется с точки зрения такой модели процесса синхронного перевода (СП), в основе которой лежит механизм вероятностного прогнозирования, имеющий многоуровневую, иерархически организованную структуру². Исходя из общеметодологических концепций опережающего отражения действительности организмом в процессе его приспособления к окружающей среде и взаимодействия с нею³ и из психо-физиологической теории актив-

¹ D. S e l e s k o v i t c h. L'interprète dans les conférences internationales. P., 1968. p. 62.

² См.: И. А. З и м н я я и Г. В. Ч е р н о в. К вопросу о роли вероятностного прогнозирования в процессе синхронного перевода. «Вопросы теории и методики преподавания перевода». Тезисы Всесоюзной конференции. М., 1970; Г. В. Ч е р н о в. Экспериментальная проверка одной модели. «Тетради переводчика», № 8, М., 1971; е г о ж е. Многоуровневая структура вероятностного прогнозирования в синхронном переводе. «Учебно-методические разработки к курсу теории перевода». М., 1972.

³ См.: П. К. А н о х и н. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М., «Медицина», 1968.

ности⁴, вероятностно-прогностическая модель синхронного перевода рассматривает механизм вероятностного прогнозирования как на вербальных (лингвистических) уровнях вероятностного прогноза (фонотактический уровень, уровень сочетаемости слов и уровень синтаксических структур), так и на смысловых уровнях (экстра-и паралингвистические уровни) — вплоть до уровня темы, ситуации и мотивации сообщения. Как было показано нами⁵, а также в работах наших сотрудников⁶, каждый более высокий уровень вероятностного прогнозирования повышает надежность прогнозирования на низших (лингвистических) уровнях.

Вероятностный характер ориентации памяти человека на прошлый опыт, определяющий возможность использования этой памяти о прошедших событиях, субъективно отмеченных как имеющие некоторые частотные характеристики, широко признан в современной физиологии, психологии и психолингвистике. Механизм вероятностного прогнозирования применительно к общебиологическому уровню деятельности человека определяется И. М. Фейгенбергом следующим образом: «Возникновение ситуации А является сигналом для подготовки системы организма к реакции, адекватной такой ситуации В, условная вероятность возникновения которой вслед за А является максимальной... Такая преднастройка к действиям в предстоящей ситуации, опирающаяся на вероятностную структуру прошлого опыта, может быть названа вероятностным прогнозированием»⁷.

I

Эти предварительные соображения позволяют перейти непосредственно к нашей теме. Если рассмотреть график син-

⁴ См.: Н. А. Б е р н ш т е й н. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., «Медицина», 1972; А. Н. Л е о н т ь е в. Проблемы развития психики. М., МГУ, 1972.

⁵ См.: Г. В. Ч е р н о в. Экспериментальная проверка одной модели; е г о ж е. Многоуровневая структура вероятностного прогнозирования в синхронном переводе.

⁶ См.: А. Ш у м и х и н. Прогнозирование на уровне предикации. «Тетради переводчика», № 8, М., 1971; Е. Н. С л а д к о в с к а я. Прогнозирование на уровне цели. «Тетради переводчика», № 8, М., 1971.

⁷ И. М. Ф е й г е н б е р г. Вероятностное прогнозирование и преднастройка к действиям. «XVIII Международный психологический конгресс. Симпозиум 2. Кибернетические аспекты интегральной деятельности мозга». М., 1966, с. 127—128.

фазности СП⁸, мы увидим, что переводчики проговаривают текст своего перевода с некоторым отставанием от оратора, с некоторым временным сдвигом, но что в то же время во многих случаях процессы слушания (восприятия текста оригинала) и говорения (изложения текста перевода) идут одновременно и параллельно. В соответствии с вероятностно-прогностической моделью СП при этом постоянно и одновременно на ряде уровней осуществляется восприятие некоторых ключевых опорных вербальных элементов, как-то: некоторый набор фонем, некоторые слоговые сегменты — часть слова, некоторые отдельные слова или словосочетания, некоторые элементы синтаксической структуры, по которым на основе реконструирования в мозгу переводчика предикативно-смысловой структуры сообщения у него возникает внутренняя программа речевого высказывания. Эта программа постоянно корректируется по мере дальнейшего развертывания оригинального сообщения, т. е. по мере восприятия новых и новых его элементов. Процесс вероятностного прогнозирования можно пояснить на следующем примере.

Не только психологам хорошо известно явление, которое после А. П. Чехова каждый русский назовет «лошадиной фамилией», а американским психолингвистам после известной работы Роджера Брауна⁹ известно как явление «кончика языка» (вертится на языке). Психолог Уильям Джеймс так хорошо описал его, что есть смысл предоставить ему слово: «Представим себе, что мы пытаемся вспомнить забытое имя. Наше сознание находится при этом в странном состоянии. В нем есть дыра, но не простая дыра. Это — дыра в состоянии интенсивной активности. В ней как будто сидит призрак имени, он манит нас в нужном направлении, иногда вызывая дрожь от сознания близости к цели, а затем вдруг снова позволяет нам погрузиться во тьму. Если нам предлагают неправильные имена, эта необычайно определенной формы дыра немедленно проявляет активность и отвергает предложенное. Оно как бы не втискивается в приготовленную форму. При этом дыра одного слова не похожа на дыру,

⁸ О методике изготовления графиков синфазности см.: Г. В. Чернов, А. Е. Гуревич, С. А. Луканина, А. В. Усов и др. Методика темпорального анализа синхронного перевода. «Иностранные языки в высшей школе», № 9, 1974.

⁹ R. Brown and D. McNeill. The "Tip of the Tongue" Phenomenon. "Psycholinguistics". N. Y., The Free Press, 1970.

оставленную другим словом, хотя они все заполнены пустотой, как и должно быть, если мы называем их дырами»¹⁰.

Процесс вероятностного прогнозирования в чем-то похож на это явление: в сознании переводчика возникают как бы пустоты определенной формы, которые постоянно заполняются ожидаемыми, прогнозируемыми частями развертывающегося сообщения, речи оратора. В отличие от «лошадиной фамилии» эти пустоты не столь определенной формы и их конфигурация не статична, а крайне динамична — она постоянно меняется и по мере развертывания сообщения становится все более определенной. Успех работы синхрониста — смысловая полнота и точность перевода — определяется степенью определенности конфигурации пустот, в которые укладывается (или иногда не укладывается) предикативно-смысловая структура воспринимаемого сообщения, а также степенью ее соответствия оригиналу.

Ключевые опорные элементы сообщения на исходном языке несут определенную информацию о вероятности появления следующих элементов и единиц сообщения на разных уровнях¹¹. Количество информации в каждой воспринимаемой единице языкового кода зависит от контекстуальных связей этих единиц.

«... Если следующие друг за другом единицы в сообщении взаимосвязаны, если вероятность появления какой-либо единицы зависит от предшествующих единиц, эти взаимосвязи сокращают количество информации, которое может нести одна единица...

...контекстуальные зависимости означают, что источник сообщения повторяется... Мы отмечаем этот факт говоря, что большинство языков являются и з б ы т о ч н ы м и...»¹²

Для европейских языков обычно приводят цифры избыточности порядка 60—80% (избыточность при этом исчисляется, исходя из буквосочетаний в письменности на данном языке по так называемой методике Шеннона). При рассмотрении устной речи инженеры связи начинают учитывать просодические характеристики речи, и тогда значения избыточности речи могут значительно возрастать.¹³

¹⁰ Ibid., p. 276.

¹¹ См.: А. М. Я г л о м и И. М. Я г л о м. Вероятность и информация. М., «Наука», 1973.

¹² G. A. Miller. Language and Communication. McGraw Hill Book Co., Inc., N. Y., 1963, p. 103.

¹³ См.: А. М. Я г л о м и И. М. Я г л о м. Указ. соч.

Однако следует отличать избыточность данного языка и речи на данном языке от избыточности конкретного сообщения, где количество информации, приходящейся на каждый символ или на каждую единицу сообщения в силу большей тематической обусловленности снижается и, следовательно, вновь возрастает избыточность — это и есть **и з б ы т о ч н о с т ь с о о б щ е н и я**.

Именно необходимый уровень **избыточности сообщения** и позволяет синхронному переводчику вести текущий прием (распознавание по ключевым опорным пунктам) речи на ИЯ, обеспечивая тем самым возможность вероятностного прогнозирования. (Ср. у Фейгенберга: «...чем шире круг событий, одинаково часто следовавших в прошлом вслед за А (т. е. чем более информативно, чем менее избыточно событие А — Г. Ч.)..., тем более широкий круг физиологических систем мобилизуется на сигнал А»¹⁴).

И наконец, следует проводить различие между объективной избыточностью сообщения и **с у б ъ е к т и в н о й** его избыточностью для синхронного переводчика. А. М. Яглом и И. М. Яглом указывают, например, на то, что «любой специальный язык» (например, научный или технический текст по определенной специальности, деловая переписка) будет, как правило, иметь избыточность выше средней из-за меньшего количества употребляемых слов и наличия часто повторяющихся терминов и оборотов» и в качестве примера высокоизбыточного языка приводят переговоры по радио между пилотом самолета и диспетчером аэропорта (по Фрику и Самби избыточность в таких переговорах приближается к 96%)¹⁵, а Дж. Миллер ссылается на язык военных уставов (также избыточный — в силу повторяемости формул и введения стандартных формулировок сообщений). Это, однако, никак не означает безоговорочную избыточность указанных «спецязыков», необходимую для синхронного перевода. Опыт показывает, что успешный СП таких сообщений осуществляется только тогда, когда его ведет специалист данной отрасли техники (естественно, обладающий также навыками и умениями синхронного переводчика) или синхронист-профессионал, прошедший специальную подготовку (обучение) для перевода данного вида сообщения. Это обучение может и не носить организованного характера, может сводиться лишь

¹⁴ И. М. Фейгенберг. Указ. соч., с. 127.

¹⁵ А. М. Яглом и И. М. Яглом. Указ. соч.

к определенному опыту перевода таких сообщений, но при этом оно все равно остается обучением.

Объективно избыточное сообщение (например, доклад на химическом симпозиуме) субъективно для данного синхронного переводчика может иметь очень низкую степень избыточности, что нарушает механизм вероятностного прогнозирования, т. е. становится препятствием для синхронного перевода.

II

Суть идеи о многоуровневой, иерархически построенной структуре механизма вероятностного прогнозирования сводится к тому, что необходимая степень избыточности сообщения достигается на каждом уровне иерархии, и каждый более высокий уровень иерархии способствует повышению степени избыточности сообщения, воспринимаемого синхронистом.

На низшем фонотактическом уровне восприятия избыточность обеспечивается обусловленностью сочетаемости фонем, их позицией в слове или морфеме, ограничивающей количество информации, приходящейся на каждую фонему. Невозможность восприятия отдельной фонемы показана Л. А. Чистович¹⁶.

На уровне сочетаемости двух слов в высказывании избыточность обеспечивается, как это было экспериментально показано¹⁷, привычной сочетаемостью, клишированностью ораторской речи, определяемой в свою очередь рядом факторов (от темы сообщения и индивидуальных склонностей оратора до законов сочетаемости слов в данном языке). Заданные в эксперименте синхронным переводчикам профессионального класса в тексте, предъявленном для синхронного перевода, устойчивые словосочетания типа пословиц и поговорок переводились без колебаний почти всеми переводчиками. Например, заложенная в текст пословица *Rome was not built in a day* была переведена без искажений 6 переводчиками, тогда как, с другой стороны, неожиданное измене-

¹⁶ В. А. Кожевников, Л. А. Чистович (Ред.) Речь. Артикуляция и восприятие. М. — Л., «Наука», 1965.

¹⁷ См.: И. А. Зимняя и Г. В. Чернов. К вопросу о роли вероятностного прогнозирования в процессе синхронного перевода; Г. В. Чернов. Экспериментальная проверка одной модели; е г о ж е. К построению психолингвистической модели синхронного перевода. „Linguistische Arbeitsberichte“, № 7, Leipzig, 1973.

ние, вносимое в устойчивое сочетание в его конце (естественно, тоже в контексте) приводило либо к переводу «по переводческому прогнозу», либо к сбою в переводе, и, в конечном счете, к пропуску. Приведем пример.

...We are trying to transform subsistence economies into modern societies with modern industry and modern agriculture. Very often we are told that Rome was not built in a day. Of course, we realize that Rome was not built in a dale, that it was built on seven hills, that the road of progress is more often than not a very bumpy business.

Если результаты перевода свести в таблицу, где по горизонтали указаны три контрольные фразы: 1. ...Rome was not built in a day. 2. Rome was not built in a dale. 3. it was built on seven hills, а по вертикали отмечено: 1) наличие правильного перевода; 2) перевод второй или третьей фразы «по подсказанной гипотезе»; 3) искажение перевода; 4) отсутствие перевода, то таблица результатов будет выглядеть следующим образом:

	1	2	3	4
1	переводчики №№ 1, 2, 5, 7, 8, 9 = 6 чел.		переводчик № 3 = 1 чел.	переводчики №№ 4, 6 = 2 чел.
2		переводчики №№ 7, 9 = 2 чел.		переводчики №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8 = 7 чел.
3	переводчики №№ 1, 2, 5, 7, 8 = 5 чел.	переводчик № 3 = 1 чел.		переводчики №№ 4, 6, 9 = 3 чел.

Таким образом, из 9 переводчиков, переводивших данный текст, 7 человек вообще не перевели контрольной фразы, успев воспринять «что-то не то», а два человека сделали перевод «по подсказанной гипотезе».

Аналогичный результат получен при переводе следующего контекста с русского языка на английский:

В популярной телевизионной передаче «КВН» когда-то прозвучала фраза «Лучше меньше, да «Луч». Интересно, что семантически информация, содержащаяся в этом каламбуре, почти полностью остается скрытой и непонятной вне соответствующей ситуации, когда команда, участвующая в конкурсе, преподносит другой команде телевизор марки «Луч».

Вновь сведя в табличку данные, получаем следующий результат:

Перевод, свидетельствующий о правильном восприятии смысла	Перевод по подсказанной гипотезе	Искаженный перевод и искажение
переводчики №№ 5, 9 = 2 чел.	переводчики №№ 1, 2, 3, 4, 7, 8 = 6 чел.	№ 2 — ... than better № 4 — ... better more and better № 5 — ... less than "Ray" № 7 — ... better fewer (персеверация) № 8 — ... better than more № 9 — искажение

Механизм и причины искажений в этом случае аналогичны.

Не менее важной является степень клишированности речи в устном ораторском сообщении¹⁸, несомненно оказывающая решающее влияние на избыточность лексических элементов сообщения и, следовательно, на механизм вероятностного прогнозирования.

О значении синтаксического уровня будет сказано несколько ниже.

III

Вопрос о теме и ситуации сообщения как сигнальных факторах вероятностного прогноза (и, следовательно, факторах, также влияющих на избыточность сообщения) нами

¹⁸ См.: Т. М. Д р и д з е. Язык информации и язык реципиента как факторы информативности. «Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики». М., «Наука», 1972.

уже упоминался. Представляется полезным в рамках настоящей статьи рассмотреть его несколько подробнее.

В настоящее время в лингвистической литературе все чаще рассматривается проблема ситуации как экстралингвистического контекста или паралингвистического фактора, взаимодействующего с вербальной коммуникацией и несущего определенную информационную нагрузку. Большей частью рассматривается ситуативный контекст на уровне высказывания (предложения). В некоторых случаях обращается внимание на широкий ситуативный контекст краткого сообщения, равного отдельному высказыванию¹⁹.

Представляется важным включить в речевые исследования и взаимодействие ситуации целого сообщения (текста) с характером предикативной смысловой организации сообщения (текста). Назовем эту ситуацию коммуникативной ситуацией (КС). КС можно рассматривать как некоторый набор факторов экстралингвистической реальности, в которой осуществляется коммуникация, разворачивается сообщение, в их взаимодействии. КС можно классифицировать по-разному в зависимости от целей исследования. С точки зрения устного перевода, т. е. такого канала коммуникации, в который вставлено дополнительное звено (перекодирующее устройство) в виде переводчика-человека, КС можно классифицировать по числу участников акта коммуникации со стороны источника и со стороны реципиента, между которыми в качестве посредника выступает устный переводчик. Такая классификация будет соответствовать различным видам устного перевода: двустороннему переводу, напечатыванию перевода делегату на конференции и т. п. С этой точки зрения, релевантной для СП ораторского выступления является такая КС, в которой имеется источник сообщения — индивидуум, выступающий с речью (монологом), и коллективный реципиент (аудитория). Обозначим эту ситуацию условно КС_{сп}.

В КС_{сп} можно выделить набор элементов (факторов), которые выявляются при ответе на следующие вопросы: 1) кто? 2) где? 3) когда? 4) перед кем? 5) на какую тему? В этот набор не включается вопрос «что делает?», так как ответ на него ясен по определению КС_{сп}: «выступает с речью». Та-

¹⁹ См.: В. А. Звегинцев. Теоретическая и прикладная лингвистика. М., «Просвещение», 1968; Г. В. Колшанский. Функции паралингвистических средств в языковой коммуникации. «Вопросы языкознания», 1973, № 1.

ким образом, набор элементов $КС_{сн}$ можно представить как набор факторов, характеризующих **источник сообщения** (оратора), **место** (форум), **время** (отнесенность к определенному событию), **реципиента** (состав участников форума) и **тему сообщения**. Этот набор представляет собой **структуру коммуникативной ситуации** (см. схему 1).

Как видно из схемы, в структуру $КС_{сн}$ мы включаем не только характеристики места, времени и реципиента сообщения (мотивирующие и предметные факторы), но также источник и тему сообщения.

Роль $КС_{сн}$ как экстравербального паралингвистического контекста сводится к внесению в само сообщение дополнительной информации, точнее, к дублированию и раскрытию информации, содержащейся в вербальной коммуникации. При этом снимаются двусмысленности многочисленных импликаций, содержащихся в сообщении. Эти импликации появляются в сообщении в результате того, что оратор и аудитория, связанные тематической общностью, общностью интересов, в условиях совместно осуществляемой деятельности не нуждаются в вербальном эксплицировании многих смысловых деталей сообщения. Оратор как бы продолжает процесс макрокоммуникации, в котором переводчик не обязательно участвовал с самого начала, и как правило, не участвовал, будучи самостоятельным специалистом. Таким является общение дипломата с аудиторией других дипломатов, ученого с учеными, политических деятелей с политическими деятелями и вообще любого специалиста с аудиторией своих коллег.

В этой связи представляется интересным напомнить глубокую мысль Н. И. Жинкина о том, что люди не начинают и не заканчивают, а как бы продолжают текст, мысль о «скважности» между денотатом и текстом, которую можно перескочить. «Во всяком тексте всегда будет смысловая скважность, величина которой определяется взаимопониманием партнеров коммуникации. Нередко, например, автор, преобразуя одну формулу в другую, не приводит всех шагов преобразования, так как рассчитывает, что это сделает читатель. В психологии такая компрессия текста называется свертыванием промежуточных операций»²⁰. Ср. также: «Говорящий должен рассчитывать на тексты в голове

²⁰ Н. И. Жинкин. Грамматика и смысл. «Язык и человек». М., Изд-во МГУ, 1970, с. 76.

Структура коммуникативной ситуации (КС_{сп})

Что делает?	Выступает публично с речью	на уровне максимальной микроситуация
1. Кто?	(оратор и его характеристики)	страна → ее политико-экономическая роль → влияние/авторитет оратора → уровень образования → возраст → ораторские данные → личные характеристики
2. Где?	(форум, организация)	организация → страна проведения → орган → вид сессии → конкретное заседание → его характеристики
3. Когда?	(время, в связи с событием)	год → месяц → день → конкретный час (в период кризисов) → событие/повод
4. Кому?	(аудитория)	состав участников → уровень и т. п.
5. О чем?	(тема)	подтема → субподтема → ... → микротема

слушающего. Слушающий делает перескоки от денотата к денотату»²¹.

Мы уже говорили о взаимодействии смысловой и вербальной иерархий уровней вероятностного прогнозирования в СП. Экспериментально было показано²², что при непрогнозируемой мотивации сообщения нарушается система вероятностного прогноза на более низких уровнях. При непрогнозируемой мотивации происходят ошибки при передаче смыслов и предикаций разного уровня, наличие которых в оригинальной коммуникации определяется мотивом сообщения. Будет правильным предположить, что уровень избыточности вербальной коммуникации *per se* в отношении высших уровней недостаточен для обеспечения надежности вероятностного прогноза, возникающего в мозгу синхронного переводчика. Как известно, при ограничении определенными условиями употреблений и значений символов количество информации, падающей на символ, снижается. Тем самым повышается уровень избыточности и, следовательно, надежности коммуникации. С точки зрения синхронного переводчика, факторами, обуславливающими (ограничивающими некоторыми условиями) смыслы разных рангов²³, содержащиеся в сообщении, являются элементы КС_{сп}.

Элементы структуры КС_{сп} занимают подчиненное положение по отношению к КС_{сп} в целом, но в отдельных случаях знакомство с источником сообщения, местом, временем, реципиентом и темой сообщения может выдвигаться на первый план в структуре экстравербальных уровней вероятностного прогнозирования в СП.

Информативность для синхронного переводчика различных элементов КС_{сп} может быть разной в зависимости от того, какие из них играют в данном случае роль постоянных факторов, а какие переменных. Например, в определенных случаях (когда переводчик на протяжении какого-то отрезка времени переводит серию выступлений одного оратора, выступающего на одном и том же форуме и в одной и той же аудитории) переменным фактором будет тема (подтема, субподтема, микротема) коммуникации. В данном случае надежность вероятностного прогноза смысловой струк-

²¹ Е г о ж е. Устное сообщение в МГПИИЯ 14 декабря 1971 г.

²² См.: Е. Н. С л а д к о в с к а я. Указ. соч.

²³ См.: Г. В. Ч е р н о в. Многоуровневая структура вероятностного прогнозирования в синхронном переводе.

туры сообщения является функцией одного аргумента — переменной темы.

В иных случаях в качестве переменной могут выступать иные элементы структуры КС_{сп} или же комбинации нескольких элементов. Известную самостоятельность отдельных факторов КС_{сп} можно проиллюстрировать следующим примером. Выступая на Генеральной Ассамблее ООН, оратор говорит об «ответственности великих держав в деле ликвидации локальных конфликтов». КС_{сп} в целом эксплицирует эти слова как «в и н а великих держав з а в о з н и к н о в е н и е н е к о т о р ы х л о к а л ь н ы х к о н ф л и к т о в в п р о ш л о м». В зависимости от оратора, от того, делегатом какой именно страны является выступающий и, следовательно, в зависимости от политики правительства этой страны слова «великие державы» и «некоторые локальные конфликты в прошлом» могут приобретать конкретную референцию. Делегат арабской страны может имплицировать конфликт на Ближнем Востоке, делегат африканской страны — попытки расистов ЮАР и Родезии подавить национально-освободительные движения Юга Африки и т. д.

Набор последовательных конкретизаций каждого фактора представляет собой многоуровневую структуру КС_{сп}. Ее особенность заключается в том, что КС_{сп} не описывается простым высказыванием (предложением). Необходимым и достаточным ее описанием является такое описание, которое содержит характеристики всего набора последовательных конкретизаций каждого фактора. Пример многоуровневой структуры КС_{сп} приводится на схеме 2.

В целях более детального исследования условий протекания синхронного перевода, а также в методических целях следует дать описания типичных сочетаний наборов элементов КС_{сп}, которые составят некоторые стандартные КС_{сп}. Отчасти такие стандартные КС_{сп} описываются в уставах, регламентах и правилах процедуры международных форумов. (Ср.: «Несмотря на текучий характер внешних обстоятельств, существуют некоторые стереотипы ситуаций, которые сопровождают тот или иной тип коммуникации, определяют то или иное конкретное содержание акта коммуникации»)²⁴. Например, в правилах процедуры Генераль-

²⁴ Г. В. Колшанский. Функции паралингвистических средств в языковой коммуникации. «Вопросы языкознания», 1973, № 1, с. 16.

Из «Правил процедуры Ген. Асс. ООН»		Последовательные конкретизации КС _{сп} →			Примечания
1. Кто?	Делегация... страны-члена ООН, ... состоящая из... 5 членов... и 5 заместителей членов делег.	Делегат западной страны	Англия (Соединенное Королевство)	Министр иностранных дел, лейборист (... консерватор) г-н Х (Y, Z...)	а не Постоянный представитель при ООН либо Советник делегации
2. Где?	Сессии проходят в Центральных учреждениях ООН...	В Нью-Йорке, США	На берегу Ист-Ривер	Зал заседаний Генеральной Ассамблеи (с трибуны)	а не в зале Комитета, где микротелефон — на месте делегата, а не на трибуне
3. Когда?	Сессии Ген. Асс. ООН собираются ежегодно... в третий вторник сентября...	на XX... сессии Ген. Асс. ООН	... октября	Утреннее заседание, второй оратор	В отличие, например, от ночного заседания
4. Кому?	Пленарное заседание... или Комитет... или Подкомитет... и т. п.	1. ...делегаций + руководство секретариата ООН + пресса	Делегации: западных стран, развив. стран, соц. стран...	Министр иностр. дел СССР, генеральный секретарь ООН...	а не Постоянный представитель... а не зам. генеральн. секретаря..., а не только публик.
5. О чем?	Тема: определяется раздлом «Повестка дня»	Спец. по пунктам, например: 5, 13, 19 Повестка дня сессии	т. е. разоружение и контроль... охрана окрест. среды... и т. д.	Основные аргументы делегаций по пунктам... + полемика...	а не проекты резолюций, которые обсуждаются в комитетах...

ной Ассамблеи ООН определяются все пять основных элементов КС_{сп}. Источник сообщения — член делегации государства — члена ООН на Генеральной Ассамблее; место — «сессии проходят в Центральных учреждениях ООН...»; время — «...собирается ежегодно на очередную сессию в третий вторник сентября»; реципиент — все делегации, участники сессии; темы определяются повесткой дня сессии, а порядок ее утверждения — разделом «Повестка дня» Правил процедуры.

К числу стандартных КС_{сп} в применении к Генеральной Ассамблее ООН можно отнести, например, следующие ситуации: «избрание нового председателя сессии»; «принятие новых членов в ООН»; «голосование проекта резолюции»; «заключительное заседание в комитете» (так называемая «раздача букетов») и т. п.

Формализация КС_{сп} и анализ ее структуры имеют не только теоретическое, но и практическое значение. Структура КС_{сп} может послужить теоретической (социально-психологической) основой для разработки стандартного набора сведений, которые организация, заключающая контракт с синхронным переводчиком, обязана сообщить ему заблаговременно до начала конференции.

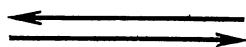
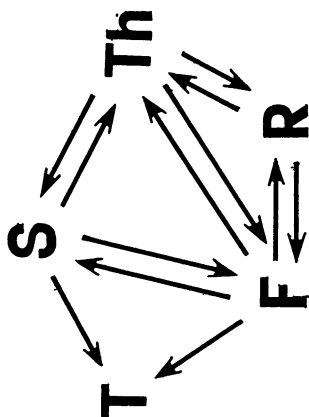
С другой стороны, описанная структура КС_{сп} может лечь в основу разработки глоссариев типичных клише, которые следует составлять для стандартных КС_{сп}, по аналогии с разрабатываемыми сейчас глоссариями «процедурной терминологии и фразеологии», а также тематическими глоссариями.

IV

Взаимодействие элементов КС_{сп} с предикативно-смысловой структурой вербальной коммуникации и с лингвистическими уровнями вероятностного прогнозирования в СП иллюстрируется на схеме 3.

Взаимодействие отдельных факторов (элементов) КС_{сп} с лингвистическими уровнями вероятностного прогнозирования можно показать также на примере характеристики оратора. Речевая характеристика оратора — не новое понятие в лингвистической литературе. Более того, проводились статистические исследования словаря того или иного автора, принципы которых несомненно применимы и к ора-

КС $\xleftrightarrow{\text{СП}}$ ВК

ПР $\xleftrightarrow{\text{СП}}$ СМ

л и в е п
н у р р
з р о а
б и о т г
а с т н н
л и в с о
ь ч е т н
н ы н з
е к ц а
ц о

КС_{СП} – коммуникативная ситуация синхронного перевода

R – реципиент, аудитория

ВК – вербальная коммуникация (сообщение, текст, ораторская речь)

T – время, т.е. место в последующем ряду событий

Th – тема

F – форум, организация, орган

S – источник ВК, оратор

ПР – предикация (многоуровневое явление)

СМ – смысл (многоуровневое явление)

тору. Показано также²⁵, что частотные характеристики словаря отражаются в субъективной оценке частот слов, т. е. что слово «записывается в памяти человека как бы с определенным частотным маркером, который сопоставим с объективной оценкой частотности, приводимой в словарях на основе анализа больших объемов текста». Позволительно считать, что определенные частотные характеристики могут быть отнесены также и к синтаксическим структурам, другими словами, что данный оратор обладает не только «предпочитаемым» словарем, но и определенным частотно организованным набором грамматических структур. При такой частотной организации языкового опыта конкретного индивидуума (в нашем примере оратора) логично предположить, что эта организация поддается статистическому анализу и учету в части как словаря слов (значений), так и «словаря» синтаксических структур.

Поскольку субъективные оценки частотности слов — это явление, которое хорошо коррелирует с объективной частотностью, можно предположить, что профессионально воспринимающий ораторские выступления синхронный переводчик получает в процессе обучения (т. е. приобретения определенного речевого опыта — опыта восприятия выступлений данного оратора) как бы картину частотности ораторского словаря (слов и структур). Можно предположить поэтому, что эти частотности «записаны» в памяти синхронного переводчика в виде некоторых приблизительных формул. По-видимому, для того, чтобы такая формула, с одной стороны, обеспечивала бы стилистически значимую организацию «структурного словаря», а с другой стороны, была обозримой, она должна строиться на основе такой классификации грамматических структур данного языка, которая выделяла бы оптимальное для данных целей число структур.

Исследование «структурной формулы» в качестве первого шага предпочтительнее исследования словаря слов и клише, типичных для данного оратора, поскольку эта работа менее трудоемка, более обозрима, хотя для полной характеристики оратора, очевидно, потребуется также и исследование его словаря. Таким образом, не говоря уже о мотивации выступления данного оратора, которая не может не быть тесно

²⁵ См. «Вероятностное прогнозирование в речи». (Ред. Р. М. Фрумкина). М., «Наука», 1971; Р. М. Ф р у м к и н а. Вероятность элементов текста и речевое поведение. М., «Наука», 1971.

связанной с его политическими, социальными и личностными характеристиками и которая найдет свое отражение в смысловой (предикативной) структуре коммуникации (выступления), его речевая характеристика найдет свое непосредственное отражение в организации словаря слов и структур, являющейся сигнальным (информативным) фактором вероятностного прогноза на сугубо лингвистическом (вербальном) уровне.

V

Мы попытались показать, что достаточно высокий уровень избыточности сообщения на ИЯ является необходимым условием, обеспечивающим возможность его синхронного перевода на ПЯ, ибо только тогда может начать действовать механизм вероятностного прогнозирования. Этот высокий уровень избыточности обеспечивается действием целой иерархии лингвистических и паралингвистических факторов, начиная от уровней фонотактики и сочетаемости слов до уровня коммуникативной ситуации синхронного перевода (КС_{сп}).

Но даже включение уровня КС_{сп} не всегда может обеспечить необходимый уровень избыточности оригинального сообщения, и тогда синхронный перевод оказывается невозможным. Так, можно было бы экспериментально показать невозможность осуществления синхронного перевода поэтического произведения даже на уровне «реферативного» изложения смысла такого сообщения в силу того, что уровень избыточности в поэтическом произведении тем ниже, а количество информации на каждый символ в поэтическом произведении тем выше, чем больше самобытность и оригинальность автора. Вряд ли можно представить себе скольконибудь качественный синхронный перевод и прозаического художественного текста.

Известно, что синхронный перевод даже художественного кинофильма только тогда бывает качественным, когда переводчик провел предварительную подготовку либо по монтажному листу, либо путем предварительного просмотра фильма и подготовки перевода²⁶.

Учет необходимости обеспечить достаточную степень избыточности на всех уровнях необходим как в методике

²⁶ См.: М. Я. Ц в и л л и н г. Кино на уроке перевода. «Тетради переводчика», № 9, М., 1972.

преподавания синхронного перевода, так и при организации синхронного перевода на международной конференции. Тогда синхронисту не придется «сглаживать острые углы» и «обходить молчанием» наиболее интересные места в ораторской речи.

Б. Штайер
(Берлин)

О МЕХАНИЗМЕ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА*

Многие знакомые мне синхронные переводчики принципиально не согласились с исходной концепцией статьи Беляевской и др. «Опорные пункты и формирование гипотезы у переводчика»¹, гласящей, что механизм синхронного перевода можно объяснить смысловой гипотезой с проверкой ее правильности на основе опорных пунктов.

Доводы приводятся разные:

Во-первых, переводчик не в состоянии предсказать неизвестную ему мысль специалиста из чужой отрасли.

* От редакции.

Публикуя интересные заметки нашего коллеги из ГДР Б. Штайера, явившиеся откликом на статью Е. Г. Беляевской, В. Г. Бритвина, Н. К. Мухиной и Н. А. Рюминой «Опорные пункты и формирование гипотезы у переводчика», опубликованную в № 10 «Тетрадей переводчика», редколлегия обращает внимание читателя на публикуемую в настоящем номере статью Г. В. Чернова «Коммуникативная ситуация синхронного перевода и избыточность сообщения», в которой излагаются общие черты вероятностно-прогностической модели механизма синхронного перевода.

Как видно из этой статьи, механизм вероятностного прогнозирования понимается авторами модели как подсознательный, неосознаваемый процесс, вскрываемый экспериментально-теоретически. Отсюда, такие выражения Б. Штайера, как «...предсказать неизвестную ему мысль...», «...излагать свои собственные домыслы...», «...переводчики... не занимаются предсказаниями...», не могут быть приняты авторами модели на свой счет — они этого никогда не утверждали. С другой стороны, в основной части своей статьи Б. Штайер приводит немало замечаний, подтверждающих модель вероятностного прогнозирования в синхронном переводе.

Редколлегия «Тетрадей переводчика» выражает надежду, что и другие читатели — переводчики-практики и научные работники пришлют свои заметки по вопросам, поднимаемым в статьях Г. Чернова и Б. Штайера.

¹ См.: «Тетрады переводчика», № 10. М., «Междунар. отношения» 1973, с. 70.

Во-вторых, переводчик не имеет права излагать свои собственные домыслы, даже если он полагает, что домыслы соответствуют мнению оратора.

В-третьих, переводческая этика запрещает высказывать даже известную переводчику мысль до того, как ее произнес оратор.

В-четвертых, опорный пункт, способный подтвердить правильность толкования переводчиком чужой мысли, появится после завершения логической конструкции, т. е. зачастую не раньше окончания абзаца или раздела, а синхронный перевод ждать не может. Все переводчики утверждают о себе, что они не занимаются предсказаниями, что они не строят воздушных замков, не несут «отсебятины», а честно переводят сказанное оратором.

Над вопросом объяснения механизма синхронного перевода никто из нас раньше глубоко не задумывался. Как правило, механизм процесса в целом путают с отдельными техническими приемами по выбору стандартных, универсальных оборотов или конструкций, допускающих различные варианты продолжения начатой запутанной фразы.

Являясь двуязычником (русский и немецкий «с пеленок»), я сам в течение двадцати лет занимаюсь устным и письменным переводом. Мне хотелось бы рассказать о своем субъективном восприятии механизма синхронного перевода, в соответствии с которым переводчик-синхронист мобилизует, в первую очередь, интуитивную сферу мышления, не претендуя на верность моего толкования по отношению к переводчикам с иной специальной и языковой подготовкой.

Основная ошибка рассматриваемой концепции состоит, на мой взгляд, в нечетком определении границ исследуемого предмета. Чистого синхронного перевода на практике не бывает. Но понять механизм реального синхронного перевода можно только, исследуя абстрагированный идеальный синхронный перевод.

В качестве рабочей гипотезы предлагаю следующие определения. Последовательный перевод — это устный перевод, выполняемый после уяснения переводчиком мысли оратора. (В этом случае переводчик может даже выбрать иную логическую конструкцию и иную структуру фразы.)

Идеальный синхронный перевод — это устный перевод, осуществляемый переводчиком синфазно-параллельно к переводимому тексту. (Запаздывание, обусловленное необходимостью осмыслить завершенную мысль оратора, не допускается.)

Реальный синхронный перевод — это устный перевод, при котором оратор, произнося свою речь, не считается с переводчиком. (Реальный синхронный перевод включает в себя элементы как идеального синхронного, так и последовательного перевода.)

Смысловая гипотеза, т. е. гипотеза о предметном содержании высказывания, не может являться основным рычагом в механизме синхронного перевода. В процессе синхронного перевода, как правило, не наблюдается угадывание смысла (предметного содержания) и понимание глубины переводимого текста или вдумывание в значение переводимых фраз, причем скорость перевода от этого не страдает. Скорей наоборот. Так, например, всем синхронным переводчикам часто приходится обслуживать научные конференции, на которых обсуждаются вопросы совершенно непонятные переводчику. По моему наблюдению, синхронный переводчик после работы не в состоянии пересказать содержание докладов, даже более того, он не в состоянии повторить только что им же высказанную, полностью завершенную фразу.

Угадывание в синхронном переводе, на мой взгляд, имеет место в отношении структуры предложения, взаимосвязи и согласования отдельных блоков конструкции, взаимоподчинения их.

Слово «угадывание» я бы предпочел, однако, заменить «проектированием». Понятие угадывания связано с элементом неопределенности, откуда должна происходить неуверенность в работе. Построить же без суетливости и нервозности фразу можно только спроектировав (наметив) ее, если даже в случае неверных начальных позиций приходится вносить коррекцию в ходе изложения.

Спроектировать структуру фразы перевода можно, как правило, в самом начале, иногда даже с первого слова предложения оригинала. На основании одного только слова, произнесенного с нужным выражением (например, «Полагая, ... » или «Разве ...?»), переводчик уже составляет модель всего предложения, не вникая в его смысловое содержание, не зная даже, пойдет ли речь о фотосинтезе растений или о математических моделях на транспорте.

Решающим при этом является не смысловое значение, а лексико-грамматические сочетания и интонация, которые с высокой степенью достоверности предсказывают переводчику дальнейшую структуру предложения. Настраиваясь на данную интонационную конструкцию, переводчик

автоматически, не отдавая себе в этом отчета, выбирает такие конструктивные решения, которые укладывались бы в спроектированную (намеченную) структуру предложения-перевода. Он уже не может «выйти» из звучания фразы, и ему нет нужды формально запоминать чередование частей и блоков предложения.

Модель готова. А заполняется она словами и оборотами, получаемыми от докладчика.

Если докладчик, желая облегчить мой труд, читает нарочито медленно и размеренно, я не в состоянии переводить: нет интонационных указаний — структура предложения становится неопределимой.

Смысловая гипотеза при переводе с немецкого мне нужна, казалось бы, при подборе глагола, который в немецком предложении находится в конце фразы. А если глагол дан с отрицанием? Никакая смысловая гипотеза (если я не специалист в данной отрасли) не даст мне попадания с вероятностью свыше 50%. При таком подходе синхронный перевод с немецкого был бы просто невозможен. Вероятность следования утвердительной или отрицательной формы глагола мне подсказывает уже начальная интонация предложения, а сам глагол, в большинстве случаев, вытекает чисто механически из устойчивых оборотов фразы, которую я по существу вопроса могу даже просто не понимать.

Другими словами, если присмотреться внимательней, смысловая гипотеза низводится до механистической гипотезы относительно структуры предложения.

Осмысливать, точнее, постигать интуитивно (не абстрагируя теоретически в процессе перевода) приходится последовательность, чередование отдельных элементов или цепочек высказывания. При этом осуществляется сортировка на слова, которые можно «выпалить» сразу, чтобы от них отделаться, на слова, которые нужно держать в кратковременной памяти, чтобы привязать их к ожидаемому (намеченному) обороту, и на слова, которые накапливаются в памяти неотсортированной массой, чтобы «приткнуть» их в наиболее подходящий по звучанию момент. Повторяю, такая сортировка выполняется не сознательно, чередование понятий по восходящей и нисходящей значимости (а они в структуре русской и немецкой фразы часто противоположны) выполняется автоматически, подсознательно. Компасом, или точнее руслом, тут является заданная интонация, жестко предписывающая конструкцию фразы перевода.

При длительных синхронных переводах, когда начинает сказываться усталость, спасением является не принудительное сосредоточение внимания на смысле высказывания, а подчеркнутое обращение к звучанию речи, игра голосом, подражание интонациям докладчика, иногда с чувством комического передразнивания в уголке сознания. На устном переводе фильмов (увиденных мною впервые лишь в процессе перевода) слушатели часто спрашивали меня, зачем я копирую произношение, интонацию персонажей, ведь достаточно передать смысл произнесенного громким и четким голосом. Непереводчикам трудно понять, что в моей голове не возникнет автоматически (как это требуется при скоростном переводе) нужное слово, если я запальчивый диалог двух противников или ищущие междометия неуверенного в себе персонажа буду переводить скучным размеренным голосом, не настроившись на «волну» переживаний источника сообщений. (Чтобы вжиться в образ, чтобы быстро найти нужное слово, синхронные переводчики часто помогают себе еще жестами и мимикой.)

В связи с этим мне хотелось бы высказать утверждение, что синхронный перевод требует от переводчика быстрой реакции по мгновенному вживанию в образ говорящего при соответствующих навыках подсознательного расчленения предложения и сортировки его составных частей (интуитивный анализ речи). Отсюда, вероятно, объясняется, почему обучение синхронному переводу в учебных заведениях не приносит больших успехов. Тренировка памяти, внимания, сопоставительный анализ конструкций предложений в разных языках и тренировочные переводы официально-бесстрастно произнесенных преподавателем фраз не могут заменить эмоциональной окраски, необходимой синхронщику для мгновенного вживания в высказывание докладчика. А без этого студенты не в состоянии приобрести требующиеся для синхронного перевода навыки по скоростному согласованию структур предложений на разных языках. Для тренировки навыков следовало бы практиковать синхронный перевод художественных фильмов, не обращая внимания на неточности и пропуски в переводе.

Поэтому опыты, проводимые над студентами в отношении предугадывания последующего смысла, интересны, с точки зрения теории информации Шеннона (преобладание уровня полезного сигнала над уровнем помех), но они не могут являться релевантными относительно механизма синхронного перевода, осуществляемого не на предметно-

смысловом, а на интуитивно-ассоциативном уровне. А реализация этого уровня обеспечивается тренировкой навыков. Я знаю многих двуязычников, которые не умеют переводить синхронно. Они способны только пересказать содержание услышанного, даже если текст и относится сугубо к их специальности. Для синхронного перевода, очевидно, важно не только владение языком (знание предмета довольно успешно подменяется формальным знанием терминологии), но и прочные навыки, автоматизация перевода.

Если докладчик вставил предложение на языке перевода, и это не дошло до моего сознания, то я не просто повторяю его слова, а перевожу их автоматически назад на основной язык докладчика, или же передаю их на языке перевода, часто автоматически перестраивая структуру фразы и/или заменяя синонимы. Примечательно, что при синхронном переводе я часто ловлю себя на мысли, что думаю совсем о другом, а вовсе не о том, что перевожу. Однако еще не было случая, чтобы я изложил свои мысли вместо рассуждений докладчика. При формулировке собственных мыслей это, мне кажется, невозможно, что подтверждает правильность моего предположения о замещении предметного осмысления интуитивно-ассоциативной автоматизацией в процессе синхронного перевода.

Двуязычникам часто задают вопрос: «На каком языке вы думаете?» Ответ довольно прост.

Будучи жителем берлинской новостройки я возмущено скажу: «Пусть это заберет кукушка, опять нет теплой воды!» Чтобы выразить «московский вариант» этой мысли, я не буду осмысленно подставлять русские эквиваленты, отдавать себе отчет в том, что «этот (немецкий) кукушка» должен совершить активное действие над чем-то невысказанным и т. д. Нет, я, чувствуя себя на месте московского жителя, интуитивно скажу: «Пошли они все к чертям, опять горячей воды не дали!», совершенно не задумываясь над тем, что к активным действиям теперь я призываю не постороннее живое существо, а вполне конкретных, правда, не названных лиц, что в немецком варианте рассматривается отсутствие некоторого обстоятельства в настоящем времени, в то время как русский вариант выражает претензию по отношению к действию, невыполненному в прошлом, что вода из теплой превратилась в горячую и т. д.

Я произвольно мыслю на языке, которым пользовался бы, находясь в соответствующих обстоятельствах. Другими словами, двуязычники мыслят на обоих языках попере-

менно, причем язык выбирается подсознательно в зависимости от той языковой среды, с которой связаны ассоциации относительно обдумываемых фактов или действий.

Это справедливо и для любого перевода, не только для синхронного. Но в синхронном переводе (идеальном) скорость синхронизации при подборе адекватных выражений обеспечивается вживанием в образ, подстановкой себя на место говорящего, в то время как перевод последовательный или письменный дает возможность сознательно обдумать и, при необходимости, полностью переделать переводимую фразу.

Вживание в образ, разумеется, не исключает возможности ошибок (грамматические неувязки, применение «ложных друзей» переводчика и пр.). Однако погрешности возможны в любой системе, в любой работе, и их наличие ничего не доказывает относительно правильности или неправильности толкования механизма синхронного перевода как актерского воспроизведения интонационной конструкции с механистическим подбором адекватных терминов и оборотов, при котором предметно-смысловому уровню отводится только роль формально-логического контроля, дающего команду на переход к методу последовательного перевода в случае обнаружения неувязок. В синхронном переводе, по крайней мере, структурные неправильности фразы часто компенсируются переводчиком изменением эмоциональной окраски, интонации, и слушатели зачастую даже не замечают, что начало фразы не согласуется с ее концом, так как любой говорящий интонационно всегда верен конструкции фразы в данный момент. Синхронщик обычно спотыкается и уходит «на второй круг» не тогда, когда он замечает грамматическую неувязку, а тогда, когда он выбрал неверную интонацию. Но это, кажется, вообще свойство устной речи. Если запротоколировать нашу обыденную речь, мы заметим, что несем страшную несурязицу, которая закрашивается всегда верно подобранной интонацией.

Любой перевод состоит из анализа и синтеза информации. Я утверждаю, что в идеальном синхронном переводе анализ и синтез выполняются только автоматически (интуитивно-ассоциативно). Сознательный (последовательный) перевод выполняется людьми, которые не обладают автоматизированными навыками синхронного перевода. Они, правда, вырабатывают навыки скоростного последовательного перевода, который по своей результативности почти не отличается от синхрона. (С точки зрения слушателя

такой перевод, возможно, будет пользоваться предпочтением, и он требует от переводящего очень высоких затрат умственной энергии.) Но это не синхрон, и механизм его строится на совершенно иной основе.

С другой стороны, реальный синхронный перевод всегда включает в себя элементы последовательного перевода. Поэтому на практике очень трудно отличить элементы синхронного от элементов последовательного перевода, что привело к сформулированному мнению о существовании опорных пунктов для смыслового предсказания в синхронном переводе.

Если представить процесс идеального синхронного перевода в виде модели, то можно предположить, что он обеспечивается в основном из накопителя оперативной памяти, функционирующей на уровне интуитивно-ассоциативного закрепления терминов. Обращение к сведениям из накопителя длительной памяти, функционирующей на уровне осознания причинно-следственных связей, становится необходимым только в случае недостаточности оперативной памяти. Эта недостаточность заключается в превышении отпущенного лимита времени на удержание в оперативной памяти информации при следующих условиях:

- 1) скорость поступления информации слишком низка;
- 2) объем информации, предлагаемый оперативной памяти, слишком велик:

- отсутствие данной информации в оперативной памяти,
- невозможность свести сложную информацию к простым элементам (например, несоответствие или многозначность терминов),
- скорость поступления информации превышает скорость выдачи информации.

В результате такой недостаточности параметров оперативной памяти переводчик вынужден от метода автоматического (идеального синхронного) перевода переходить к методу рассуждающего (последовательного) перевода.

Считать нормальными такие сбои в ритме работы, называя их опорными пунктами для осмысливания информации в процессе идеального синхронного перевода, неправильно. Они неизбежно всегда будут иметь место, являясь, однако же, не характеристикой синхронного перевода, а элементами последовательного перевода, включаемыми, от нужды, в процесс идеального синхронного перевода.

Поэтому, изучая механизм действия синхронного перевода, следует исследовать не опорные пункты, не вероятность безошибочного предсказания содержания информации, а механизм функционирования оперативной (интуитивно-ассоциативной) памяти и, для случаев ее несовершенства (т. е. теперь уже для реального синхронного перевода), механизм взаимодействия ее с длительной (рассуждающей) памятью.

Я не хочу быть понятым так, что синхронный переводчик пользуется только подсознанием. Ведь интуиция — это тоже разумное мышление, хотя она, вследствие громадного числа накопленных сведений, фактов, и их взаимного переплетения, принимает решения, проследить за ходом формирования которых методами формальной логики невозможно.

С другой стороны, если рассуждающему мышлению в синхронном переводе отводится, на мой взгляд, только контрольная функция, то это не означает, что рассуждающее мышление исключается полностью, что переводчик, из-за специфичности своей работы, не может понять мысли оратора. Однако он может перевести и не понимая.

Практически дело происходит следующим образом. Придя на переговоры, первым делом занимаешь выгодную позицию. Это самое главное. Пытаешься сесть между переговаривающимися сторонами:

во-первых, так легче обращаться ко всем,

во-вторых, сидя рядом со своим начальником, переводчик вынужден, чтобы не нарушить законов вежливости, переводить последовательно, а это утомительней,

в-третьих, если переводчик оказывается в посреднической роли, переговоры протекают менее замкнуто и скорее приводят к успеху.

Психологически я чувствую свою роль и свои действия так, что я не перевожу, а говорю на языке, причем информация о том, что я хочу сказать, попадает ко мне в мозг откуда-то извне. После работы я не помню оборотов речи оратора, не помню даже, кто что говорил. Вспоминаются только собственные формулировки и глаза слушателей.

Перевоплощаешься не в оратора, а в собеседника слушателя. Это существенная разница. Однако, ориентируясь на слушателя, поглядываешь на оратора, иначе не уловишь оттенков.

Когда сбиваешься с ритма, перестаешь жестикулировать (жестикулировать можно и пальцами), на секунду цепене-

ешь, откидываешься назад и начинаешь, глядя в потолок, неуверенным тихим голосом резюмировать, что хотел сказать оратор. Звучит это так: «Значит, ... он говорит, ... что вопрос корреляции ... этого ... самого ...». Поняв структуру следующей фразы, обрываешь на полуслове, подаешься вперед и переходишь на спасительный синхрон.

Если же понял сущность изложенного, то вещаешь уверенным голосом, сам себе отбивая такт головой или карандашом, как бы подтверждая правильность собственной формулировки (а может, чтобы не поддаться ритму оратора, от которого ты отстал?).

Если оратор задает немыслимый темп (страшна не скороговорка, а отсутствие пауз между предложениями), никакое резюме не получится. Тогда весь напрягаешься, прижимаешь наушники, добавляешь громкости, прилипаешь к смотровому окну и начинаешь шпарить как пулемет. Говорить можно что угодно: зрители уже не слушают, а с проснувшимся интересом следят за нашим поединком. Но что угодно при такой скорости не скажешь — нет времени сформулировать что-то незаданное.

Хуже обстоит дело, когда он подает себя с важным видом. Говорит с ударением, обстоятельно, высокомерно поглядывая на меня и бесконечно наращивая цепочку придаточных конструкций. С чем-то они что-то сделали. Не могу понять, что они сделали: закончили, подготовили, отклонили или пересмотрели. Напряженно пытаюсь представить что он хочет сказать, и безнадежно забываю все сказанное. Запоминать не имеет смысла — он уже влез в следующий придаточный оборот. Замолкаю. Оратор сбавляет темп и смотрит на меня. Молчу. Я мог бы сказать, что они осуществили, выполнили или реализовали, а потом сделать замысловатый боевой разворот и пристроить конкретизацию — завершение, подготовку, отклонение или пересмотр. Не хочу. Молчу. Он смотрит выразительно. Набираюсь нахальства и сообщаю, что мне нужен глагол. Это уже подлость с моей стороны. Он никак не может сообразить, что такое глагол и при чем он тут. Потом до него доходит, что я не только повторяю его слова, а даже анализирую их. Мы не любим, когда нас анализируют, поэтому апломб мгновенно слетает, и он растерянно начинает сначала. Перевожу бессмысленно дословно. Публика ехидно улыбается.

Так выглядит вероятностное смысловое прогнозирование на практике. Было бы интересно записать на фонограмму речь оратора и речь переводчика (синхронно на раз-

дельных дорожках стереомагнитофона) и пригласить на это представление незаметного психолога.

Придя после длительного синхрона домой, часа три тараторишь без умолку, никому не даешь слова вставить, никого не слушаешь. Мой друг-переводчик утверждает, что это компенсация за подавление собственных мыслей. Спать не можешь. Я знаю одну переводчицу, которая переводит только последовательно и по окончании работы засыпает как убитая. Возможно, мой друг прав. В последовательном переводе формулируешь сам, даже если повторяешь фразу оратора, в синхронном — пользуешься его формулировками.

Опорные пункты безусловно существуют. Но определяются они не семантикой предлагаемых текстов, а недостаточностью нашей оперативной памяти. Следовательно, изучать надо не тексты на их информационную нагрузку (кстати, этим занимаются математики в теории связи), а свойства нашего мыслительного аппарата. В своих лекциях Г. Саймон² утверждает, что память устроена по ассоциативному принципу, что в кратковременной структуре памяти могут одновременно храниться не более семи блоков информации, что на перенос одного блока из кратковременной в долговременную память мозг тратит пять секунд. Подтвердить достоверность этих данных могут только специалисты. Но если память в самом деле устроена по ассоциативному принципу, то эксперименты по запоминанию бессмысленных наборов символов с целью изучения механизма перевода упорядоченных символов не смогут дать положительных результатов.

Для любого подаваемого текста можно определить количество информации (в битах или блоках), поступающее за единицу времени. И, в случае несоответствия этих величин параметрам мозга, оперативная память с работой не справляется. Тогда включается механизм причинно-следственного анализа (долговременная память), переводчик начинает рассуждать, начинает переводить последовательно и медленно (те самые 5 секунд на транспортировку блока!). Он комкает слова, нервничает, говорит тише и опять переходит на синхрон, чтобы войти в ритм. Момент перехода к рассуждающему переводу можно назвать опорным пунктом, однако основным рычагом в механизме синхронного перевода его нельзя считать.

² Г. Саймон. Науки об искусственном. М., «Мир», 1972.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Вопросы теории перевода

Ю. Г. Кузьмин. Перевод как мыслительно-речевая деятельность	3
В. Н. Комиссаров, Г. Я. Турувер. Перевод как лингвистический источник	19

II. Вопросы художественного перевода

С. М. Вайнштейн. Вопросы интерпретации слова в историческом тексте	32
С. Ф. Гончаренко. О моделировании процесса перевода поэтических образов	39

III. Вопросы практики перевода

Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман. Чем вызываются лексические трансформации при переводе?	50
Ю. Н. Пинягин. Сопоставительное изучение прилагательных и перевод	69
Сидер Флорин. Ремарка — пунктуация — темперамент	75
А. Кафыров. Переводчики шутят	80

IV. Вопросы устного перевода

Г. В. Чернов. Коммуникативная ситуация синхронного перевода и избыточность сообщения	83
Б. Штайер. О механизме синхронного перевода	101

Коллектив авторов

ТЕТРАДИ ПЕРЕВОДЧИКА № 12

Редактор В. П. Торпакова. Издательский редактор Н. И. Божанова. Художественный редактор Р. А. Казаков. Технический редактор Т. С. Орешкова. Младший редактор Е. П. Политова. Корректор Г. Г. Петропавловская. А09542. Сдано в набор 25/XI — 1974 г. Подписано в печать 25/II — 1975 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 5.88. Уч.-изд. л. 6.14. Тираж 13 000 экз. Изд. № 8/74Ф. Издательство «Международные отношения». 103031, Москва, К-31, Кузнецкий мост, 24. Зак № 814. Ярославский полиграфкомбинат «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97. Цена 37 коп.